

"Не убежишь... (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталья Котянова

Не убежишь...

Глава 1 'Неприятности: причины и последствия'

Вода в озере чистая — дно до самого маленького камушка видать. И ветра сегодня нет. Тепло, хорошо... А было бы ещё лучше, если бы мама...

Зачерпнуть воды в горсть, смывая со щёк солёную влагу. Отражение дрогнуло и замутилось. Правильно, нечего расслаживаться и себя разглядывать. Работы у неё, что ли, нет?

Лиита наполнила вёдра — не доверху, иначе не донесёт — и пошла обратно к дому. В кои-то веки можно не торопиться: Мадяна наказала ни в коем случае не попадаться на глаза гостю. Вернее, 'дорогому гостю', а ещё вернее — очередному жениху. Поскольку вот уже месяц они со сводной сестрой жили сами по себе, роль сватки исполняла не в меру шустрая соседка Удавиха. Язык у неё подвешен — ух! Говорят, однажды самого лешака заболтала, когда он по неосторожности вздумал её 'в трёх соснах' водить. Полчаса только и выдержал, по самой короткой тропке к деревне вывел...

Лиита невольно улыбнулась, представив, что сейчас происходит в их доме. Мадяна ещё с утра плотно забелила свои многочисленные веснушки и с её помощью заплела в косы самые яркие ленты. Сам дом вылизан до блеска, блюдо с праздничной уткой в печке стоит — подогревается. Стол Мадяна сама накроет, хоть с этим-то справится, наверное... Все старания должны окупиться сторицей, ведь сегодняшней гость — немолодой, но состоятельный купец из соседнего городка. Остаётся только гадать, как он узнал про 'первую красавицу и умелицу деревни' и что напела ему Удавиха, но сегодня он с родней приезжает свататься официально.

Мадяна всю голову сломала, придумывая, куда бы на это время сплавить младшую сестру. Чтоб как в прошлые разы не получилось... Лиита сама подсказала: пойдёт на своё любимое место, к озеру, как раз работу закончит — кузнецовой жене нарядный платок вышивать. Воды заодно принести? Хорошо, принесёт. Зачем только, если у них для этого соседский мальчишка подражен? Ну, так ведь тот за продукты, а она даром...

Спорить с сестрой Лиита не стала. Не любила, когда кричат, а Мадяна на это дело больно скорая. Конечно, её можно понять: за три неполных месяца пришлось похоронить и отца, и мачеху, и взять на себя заботы о хозяйстве, а оно у них немаленькое. Да ещё и некривая малуха под ногами путается... Много работать Мадяна не привыкла и придумала срочно выйти замуж за состоятельного мужика, чтоб с прислугой, а Литка пусть в их лачуге сидит, коль ей нравится такая 'дурная доля'. Хотя чего ж тут дурного? И дом у них никакая не лачуга, просторный и крепкий. Теперь даже слишком просторный... А Мадяне всё мало.

Первый 'блин' вышел комом. Да и второй, откровенно говоря, тоже. В деревне всё про всех знают, и на предложение Удавихи старостин сынок лишь покрутил пальцем у виска. Зачем ему эта склочная неумеха? Вот если бы Лииту сватали... Папаша, конечно, против будет — суеверный донельзя — а он-то уже давно понял, никакая Литка не сглазница. Коли сам, к примеру, зазеваешься, идёшь, под ноги не глядя, и наступишь в коровью лепёшку, что, её сразу винить? Глупости всё это. Тем более, девка она добрая, приветливая, руки золотые — её вышивки и кружева даже в городе охотно покупают. Птички — цветочки на них словно живые кажутся... И сама она пригожая, не то, что Мадька.

Слова эти сестре, конечно, передали. Ух, и развопилась она, даже побить грозилась! Лиита с перепугу к подружке убежала и ночевать у неё осталась. А у Мадяны, как назло, любимые

бусы порвались и рассыпались. Давно их пора было на новую нитку перенизать, да она всё откладывала. Конечно, теперь во всём сестра — сглазница виновата...

Во второй раз пуще того было. Привезли жениха из дальнего села, сестрицу ему расписали в самых ярких красках — претендентов, мол, много, хватай и женись, а то поздно будет... Мужчина заочно был настроен решительно. И — так же решительно предложил свою руку застенчиво краснеющей Лиите. Опять пришлось бежать к подружке. Правда, утром пару оплеух она всё же получила. И пообещала больше на глаза возможным женихам не попадаться.

Хоть Мадяна на неё и злилась, но всё же терпела — помимо хозяйства, именно её рукоделия приносили им неплохой доход. Отцов друг несколько раз за месяц вместе со своим товаром возил готовые изделия в город, и не было ещё ни одного раза, чтобы какое-то вернулось обратно. Даже заказы начали присылать.

Лиита была только рада. Плести кружева, шить, вышивать она очень любила, с детства отличалась усидчивостью и могла хоть весь день провести за работой. Зимой дома, а в тёплое время — в своём любимом укромном месте у озера. Это другие девушки предпочитали собираться шумными кружками и, вышивая, хихикали и перешучивались с крутящимися поблизости парнями. Лиита предпочитала одиночество, так ей лучше работалось. Когда была жива мама, они часто сидели и вдвоём: тоже в основном молча, только изредка пели. Отец называл их 'мои любимые молчухи'. Такие они, что ж поделаешь!

Теперь 'молчуха' осталась одна. В отличие от своего родителя, Мадяна так и не стала для младшей сестры по — настоящему близким человеком. Тем более сейчас, когда из-за неё руются все её планы. Лиита ещё больше замкнулась в себе и дома почти всё время молчала.

'Сначала воду отнести или платок, чтоб потом два раза не бегать?'

— Лит, ты чего это надрываешься, делать нечего?! — раздался сзади возмущённый голос, и ведра у неё решительно отобрали. — Давай помогу.

'Интересно, Вырик опять скажет, что просто мимо проходил?' — про себя улыбнулась девушка. Глянула на помощника — всё того же старостинного сына — и улыбнулась уже ему. Парень засиял и приосанился.

— Спасибо.

— Да не за что! Я тут просто мимо проходил, гляжу — ты. Что, сестрица заставила? Вот дурная девка!

— Да ничего, я ж потихоньку, с остановками...

— Это к ней с утра на тройке прикатили? Я в окно видел — добрые кони. Неужто новый жених пожаловал?

Лиита кивнула, и они невольно хихикнули.

— Между прочим, у папаши моего лошадки не хуже, — многозначительно заметил Выркаш. — Хочешь, и я к тебе так приеду?

— Не надо. Сам же знаешь, что отец на это скажет: нашей семье ведьмы не нужны...

— Да какая ты ведьма!? Я ему уже сто раз говорил, но он только руками машет. Вот ведь дремучий! То чужие домыслы повторяет, то бутылку с самогоном разбитую поминает. А это не ты, он сам подскользнулся...

— Ну и что. Зато случай с конокрадами — точно моя 'работа'. Я их случайно застала, испугалась, и в результате один свалился и ногу сломал, а второго лошадь сама лягнула.

— Я бы на месте лошади тоже вора лягнул! Так что не выдумывай, ни при чём ты. А даже если бы и так — я лично тебя не боюсь. И никто из наших всерьёз не боится, иначе бы давно отсюда выжили... Мелкие неприятности с перепугу — это тебе не сильный сглаз или порча ни за что ни про что. А ты вон даже Мадьку свою терпишь, хотя могла бы каждый день ей пакости делать!

Парень поставил вёдра у калитки и нарочитым жестом вытер лоб.

— Может, хоть платочек свой подаришь, а, Лит? А я тебя на будущей неделе сам в город свезу, на ярмарку. Куплю тебе конфет заграничных, знаешь, какие вкусные! И бусы. Я такие недавно видел: один ряд из синих камней, другой — из зелёных, и внутри каждой бусинки золотые искры... Я ещё сразу подумал — точь — в-точь как твои глаза. Да вот досада — денег не хватило. Ну, в этот?то раз хватит! Только б не купили их до меня...

Поблагодарила, отказалась — как он и ожидал. Ну ничего, несколько дней в запасе есть, авось уговорит! И своего недалёкого папашу заодно... А то не ровен час — к Лиите ещё кто?нибудь посватается. Даже несмотря на её сомнительную славу сглазницы. Зато в остальном девушка получше многих будет: характером скромная да тихая, рукодельница искусная, родители покойные приличные люди были, приданое неплохое. Но он бы её и без приданого посватал. Потому что красивая, не то, что Мадяна... Кто?то, может, и по — другому считает, как дружки его — не красивая, а так, миленькая, и ещё глаза эти странные... Испугались, дураки. И ладно, ему только лучше. Не Литина вина, что родилась она с 'ведьминой' приметой. И глаза у неё ничуть не странные. Подумаешь, один синий, другой зелёный. Выркаш до сих пор не определился, какой ему больше нравится. А какие в них искорки рассыпаны! Словно звёздочки на небе...

— Давай я тебе вёдра к дому отнесу. Заодно разведая, ушли ли ваши гости. Тройки?то не видать что?то.

— Вырик, ты только потихонечку, чтоб Мадя не увидела!

— Ладно.

Парень поставил вёдра у двери и прокрался к окну столовой. Тихо.

Мадяна со сватьей вышли провожать гостя на крыльцо. Приехавшая с ним родня — брат и два сына от ныне покойной жены, отпросились пораньше: вздумали покататься вокруг села, дорога больно ровная. Обрато по главной улице поедут — его подберут и заодно троечкой похвалятся. А что, пусть знают деревенщины, кто до ихней девицы снизойти изволил!

Купец оказался гораздо старше, чем расписывала Удавиха, да и на вид так себе — толстый, краснолицый, две волосинки на голове, три в бороде... Сватья уверила, что так даже лучше: коль он пожилой да недужный, может, сделает ей приятное — помрёт скоро. А она в его доме городском жить останется. Тогда можно будет и за сыновей его взяться, они оба холостые и по сравнению с папашей очень даже. Маде такой расклад очень понравился, и она расстаралась — подольстилась к гостю как могла. Купец посидел — подумал, отобедал как следует,

рассмотрел дом и приданое, решил, что сама девица тоже ничего, да и ударил с Удавихой по рукам. Вручил невесте в подарок перстенёк, получил в ответ искусно расшитую скатерть (вот же мастерица!) и, довольный, покосолапил к выходу. Мадяна выдохнула с облегчением...

Оказалось, рано. Жених не заметил поставленные у двери вёдра с водой, налетел на одно из них, споткнулся — и буквально скатился с крыльца. Женщины, охая, поспешили к нему поднимать, зацепили второе ведро — и уже Мадяна с визгом пересчитала ступеньки. Как на грех, обрызгалась так, что добрую половину мучных белил размазала. Жених, увидев эту 'красоту', аж кряхтеть перестал. А тут ещё Литка окаянная выскочила с извинениями, её?де вёдра, чем помочь, как вину загладить... Мадяна мрачно подумала, что если и этот пенёк трухлявый на неё позарится — точно убьёт пигалицу! Но вышло ещё хуже. Купец сразу разглядел сестрёнкины глаза и испуганно оттолкнул её руку, поспешно осеняя себя знаком от сглаза. Шаг назад — и он снова споткнулся о то же злосчастное ведро и бухнулся на землю.

— Не подходи, ведьма!!

В это время разгорячённая тройка как раз подлетела к дому. Кто?то из сыновей слишком резко осадил коней — и лихачи едва не посыпались из накренившейся повозки.

— Сглазила, сглазила!

Окончательно всё испортила Удавиха: узнав от неё, что девушка с разными глазами — Мадянина сестра ('не родная, не родная!!') мужик просто рассвирепел.

— За кого вы меня держите, за дурака?! Ведьму мне хотите подсунуть, со свету сжить и честно нажитое добро к рукам своим проклятым прибрать?? Не будет этого, не дождётесь!!

И без того красное лицо купца окончательно побагровело. Отбросив от себя скатерть, как ядовитую змею, он подскочил к застывшей невесте и с силой сдёрнул с её руки свой перстень. Та невольно вскрикнула — кожу содрал. Лиита, перестав блять свои извинения, бросилась утешать сестру. Мужик плюнул в их сторону и пошёл к ожидающей его повозке. По дороге упал в третий раз — заскользил влажной подошвой по траве.

— У, ведьмы!

Сыновья подхватили его под руки и кое?как закинули на телегу. Дружный знак от сглаза, такой же дружный плевок в калитку — и тройка резво сорвалась с места. Пролетела несколько домов... и не разминулась на повороте со старой толстой берёзой. Хорошо, серьёзно никто не пострадал, но крику было!..

Лиита поймала взгляд сестры — до того недобрый, что ёкнуло сердце.

— Я... я у Тимины переночую!

Вернулась на рассвете. Почти всю ночь не спала — тревожилась. На этот раз парой оплеух Мадяна точно не ограничится. Так глядела — аж мурашки по коже. Боязно...

Сестра не караулила её с коромыслом наперевес. Вместо этого у дверей Лиита увидела лежащие небрежной кучей вещи. Свои. Распахнутый дорожный короб, несколько платьев, сапожки, рукодельный ящик... На дне короба — завёрнутые в тряпку мамины бусы и серёжки. Значит, саму шкатулку себе оставила.

Девушка медленно села на траву и провела рукой по жёсткому боку короба. Неужели всё это

происходит наяву? С ней? Как такое может быть... Мысли лихорадочно метались: постучаться, поговорить с Мадей, уговорить, умолить. Вот только сама понимала — не будет толку. Не отопрёт ей сестра, а то и собакой соседки Удавихи пригрозит, знает, что Лита её боится. Она такая, если уж что решила — нипочём не отступится.

А ей?то что теперь делать? Куда идти? К старосте защиты просить — так Махей сам на неё косо смотрит. Вырик — тот, наверное, заступится, но против воли отца не пойдёт. Парень он хороший, и она ему нравится, трудно не заметить. Позвал бы замуж — пошла, но позовёт ли? Особенно теперь, когда её ещё больше ославили... А коли предложит тайно сбежать и провести ритуал без благословения — так староста, чего доброго, их и на порог потом не пустит. Нет, так поступить с Выриком она не может...

Лиита не знала, сколько времени просидела в каком-то оцепенении, глядя на медленно встающее за дальним лесом рыжее солнце. Потом очнулась и начала быстро собирать разбросанные вещи. Как раз всё влезло.

Повернулась, окинула долгим взглядом дом. Здесь они с мамой нашли надёжное пристанище на много лет. Здесь они были счастливы.

Теперь мамы нет. И её время вышло. Пора идти дальше, искать своё собственное счастье. Найдёт ли?

— Прощай, Мадя, не поминай лихом.

Вздрогнула, когда одно из окон со скрипом приоткрылось. Какое слово найдётся у сестры для неё напоследок?

Слова не нашлось. Зато рядом с ногой девушки шлёпнулся в траву увесистый мешочек с мелкими деньгами.

— Спасибо.

Поясной поклон — и Лиита, спрятав мешочек подальше, решительно и быстро пошла со двора.

Вскоре деревня осталась позади. А впереди... Она неуверенно улыбнулась. Впереди у неё был целый мир.

Глава 2 'Новая жизнь и старые 'грабли'

— Не подскажите, где найти лавочника Дарона? Он торгует... Понятно, извините.

Вот уже битый час Лиита ходила по улицам и расспрашивала прохожих. Те вели себя по — разному: кто-то испуганно шарахался, осеняя себя знаком от сглаза, кто-то спешил и не глядя отмахивался, кто-то просто не знал...

Да, оказалось, что город, пусть и небольшой, разительно отличается от деревни. Это у них все друг друга знали, и не только как зовут, но и практически всю подноготную. А тут...

Спустя ещё час Лиита вконец умаялась и села передохнуть в тени раскидистого дерева. Маленький садик, похоже, был ничей — ни тебе забора, ни сторожа; наоборот, две удобные скамейки поставлены, сиди и любуйся яркими цветами на клумбах. В деревнях такого и близко нет.

Девушка достала из короба сунутый сестрицей кусок вчерашнего пирога и живо расправилась с ним, покروшив горбушку стайке весёлых рыжеватых птичек. Один в дороге съела, один сейчас... Последний остался. Воды в походной фляге пока хватает, но надолго ли? И что ей делать, когда припасы закончатся? Лучше пока об этом не думать.

Утром, едва выйдя на большак, Лиита уже точно знала, куда ей надо. Конечно, в ближний город! До него пешком — всего-то полдня пути. Там она сыщёт пожилого лавочника, которому вот уже не один год исправно отвозились на продажу сначала мамины, а потом и её собственные рукоделия: вышитые рубашки, скатерти, фартуки, а иногда и целые платья, украшенные тонкими кружевами. Недешёвые вещи, между прочим! Сама Лиита таких себе позволить не могла. Зато свои платья, из простого полотна, наострилась расшивать так затейливо, что приезжие иной раз ахали в голос. Особенно хорошо было одно, с разноцветными бабочками на рукавах и на подоле. При движении казалось, что у них даже крылышки трепещут, ещё чуть — чуть — и улетят они, взмоют в воздух дрожащим ярким облачком... Лиита надеялась, что Дарон войдёт в её положение и приютит, хотя бы на первое время. Она тогда в долгу не останется — целыми днями будет сидеть за работой. И нашъёт ему целую гору красивых вещей, покупателям на радость!

Лиита прошла не так уж и много, когда на большом тракте её догнала телега шапочно знакомого старичка из соседней деревни. Он как раз направлялся в город на ярмарку и предложил подвезти — не за деньги, а за разговоры. Девушка сочла это добрым знаком. Хоть бы ей и дальше так везло!

В город она въехала полная надежд. Для начала прилежно прочесала ярмарочные ряды, потом окрестные улицы, всюду расспрашивая про Дарона. Странно, но выходило, что про него никто ничего не знает... Если бы не короб, она бы уже полгорода обежала, но с такой тяжестью можно и до ночи бродить и ничего не сыскать.

Один раз на глаза девушке попались двое мужчин в одинаковой форме. Отец рассказывал, что в городах они за порядком смотрят. Чтобы всё было спокойно и пристойно, чтоб никого не обижали, коней и кошельки с деньгами не крали, после кабака драк не учиняли... Вот кто ей поможет! Лиита чуть не бегом припустилась за охранителями, но они, вначале радостно ей заулыбавшиеся, вдруг разом поскучнели и даже разговаривать не стали. Иди, мол, отсюда, некогда нам... Неужели и эти здоровенные бугаи испугались её разноцветных глаз?! Вот тебе и 'деревенская дремучесть'! Хотя, если вспомнить неудавшегося жениха сестры... Чего ж удивляться.

К вечеру Лиита совсем скисла. Дарона не нашла, только ноги сбила. Ещё немного — и стемнеет, ярмарка закроется, горожане по домам отправятся, ужинать и отдыхать от дневных трудов. А она куда денется? Страшно одной в незнакомом месте!

К счастью, припомнился батюшкин рассказ о том, что в городе приезжие ночуют, а то и неделями живут на каких-то постоянных дворах. Хорошо, что она грамотная, отец говорил, что там перед входом всегда вывески прибиты, крупными буквами написанные. Кажется, она видела пару таких неподалёку от ярмарочной площади...

До неё и идти не пришлось: красочная вывеска на таком же ярком, зелёно — розовом доме гласила 'Постоялый двор'. Да ещё 'для весёлых людей'. Ну, хоть ей сейчас не слишком весело, но, может, как раз там развеются все её тревоги?

— Не робей, красавица, заходи! — приветливо помахал с крыльца полный усатый мужчина. — Ночлег ищешь? Или работу?

— Для начала ночлег. А дорого вы, дяденька, берёте?

Оказалось, совсем недорого. Ещё и ужином накормят. Вот удача!

Внутри дом оказался таким же пёстрым, но по — своему уютным: занавесочки, цветочки и даже зеркала. Лиита на всякий случай спросила про лавочника, заплатила за день вперёд и, получив ключ от маленькой чистой комнатки, наконец-то избавилась от короба. А то уж все плечи об него натёрла с непривычки... Наскоро умылась и поспешила в трапезную. Тут она по — заграничному называлась обеденной залой и была полна весёлого народа. Весёлого и шумного.

Лиита получила обещанную похлёбку и шмыгнула в самый дальний угол комнаты. Села на какой-то сундук, мисочку пристроила на колени и принялась есть, украдкой разглядывая остальных постояльцев. В основном это были мужчины разных возрастов, купцы и кто попроще — крестьяне и мастеровые. Некоторые уже явно во хмелю, другие ещё только заказывают кувшинчики со сладкой медовухой и ядрёной брагой. Вот поэтому Лиита и села в сторонке, не пошла за общие столы — и в своей деревне невольно насмотрелась на последствия такого 'веселья'. Батюшка это дело не любил, зато многие соседи не брезговали залить за воротник, только повод дай. А иногда и повод не нужен... Потому и ссоры громкие у них случались, и даже драки, один раз перебравшие молодцы за девками гонялись — визгу было! Насилу всех успокоили...

Удивило Литу другое — неосторожное поведение тутошних девушек и молодых женщин. Все они не только не стремились поскорее поесть да уйти, а наоборот, сами подсаживались к мужчинам, заводили какие-то разговоры, смеялись. И даже не отказывались от предложенной медовухи. Вот глупые... Вскоре Лиита поняла, что девушки эти — не постоялицы, а из здешней obsługi. Сначала выносят подносы с едой — питьём, вертятся среди столов с тряпками, и только потом садятся сами — к тем мужчинам, кто зазывает понастойчивее. Может, так хозяин велит? Хмельной посетитель всегда щедр, заказывает больше. Но зачем же они тогда... Ой, тут же столько народу, разве прилично так целоваться?!

— Скучаешь, красавица?

Лиита от испуга чуть не выронила свою миску. Подошедший мужчина выглядел как старший брат сестрицыного жениха — такой же жидковолосый и грузный. Добротная одежда, на толстых пальцах — два перстня с самоцветами, прямо богач. Улыбается ей ласково, 'ведьминых глаз' не замечает... Только от улыбки этой Лиите захотелось в сундук, на котором сидела, запрыгнуть и крышкой прикрыться.

— Нет, дяденька, что вы! Я только...

— Зови меня Хтаром, милая. Дозволь рядом с тобой сесть, поговорить о том, о сём...

— Да что вы, мы вдвоём и не поместимся! Садитесь, а я... Ой!

— А вот так — поместимся! — хохотнул мужчина и, отбросив миску, подтянул запищавшую девчонку на колени. — Что ж ты вырываешься, дурочка, я тебя не обижу! Хочешь — даже серёжки подарю с синими камушками, красивые...

— Дяденька, не надо, пустите!

— Поцелуешь — отпущу!

Лита снова беспомощно забарахталась, надеясь, что кто-то из постояльцев или обслуги заметит её положение и придёт на помощь. Где там! Им и без неё весело.

— Пустите!! Кричать буду!

— Кричи, крася, я сонных мух и сам не люблю! Кричи, мол, целуй меня, Хтар, да обнимай крепче! А это я всегда с радостью...

Тут уж Лиита испугалась по — настоящему. Никак не думала она, что первый поцелуй таким окажется — не по доброй воле, не с любимым, а с противным старым дядькой, пахнущим потом и брагой, в полутёмном углу странного и распущенного 'весёлого дома'... Нет уж, не бывать тому!

Кое-как извернулась, выскользнула из ненавистных объятий и отскочила подальше. Потрясла кулаком в сторону обидчика:

— И как не стыдно, в ваши-то годы! Ирод вы плешивый!

Купец попытался встать с низкого сундука, но не смог — видимо, совсем хмель одолел. Но последнее слово решил за собой оставить:

— Дурёха! Ничего я не плешивы...ЫЫЫ!!

Низкий икающий вскрик на мгновение перекрыл шум в зале, но никто даже головы не повернул. Весёлый люд наслаждался заслуженным отдыхом и не обратил внимания ни на девчонку, что торопливо, по дуге, обошла столы и выскочила в коридор, ни на осевшего в обмороке купца с большим клоком волос в толстых пальцах. Подумаешь, не поладили...

Лиита вбежала в свою комнатку, тщательно заперла дверь и только тогда почувствовала себя в безопасности. В нехорошее место её занесло, да только вдруг и остальные постоялые дворы не лучше? Батюшка как-то проговорился, что городские нравы — не чета деревенским, случается, люди в городе и вовсе пропадают. Особенно молодые глупые девушки... Кажется, она только что поняла, что он имел в виду.

Заснула Лита нескоро — уж больно шумно здесь, даже из трапезной пьяные вопли доносятся. Не спится постояльцам, то и дело по коридору топают, дверями стучат, смеются и ругаются... Один раз к ней кто-то настойчиво ломился, требовал впустить, называя при этом Плашкой. Хорошо, что она запереться не забыла...

Только отошла от испуга, как заскрипел, поворачиваясь, ключ, и в её комнату ввалилась слабо различимая в темноте мужская фигура. Но Лиита узнала — и по рыхлым очертаниям, и по уже знакомому мерзкому запаху. Хтар! Откуда у него второй ключ?!

— Не захотела по — хорошему, девка, будет тебе по — плохому! Я тебя сейчас, тварь эдакая!..

Лиита взвизгнула и наугад запустила в незваного гостя подушкой, потом одеялом, потом ещё чем-то, что под руку подвернулось. Судя по звуку, попала, и не совсем в голову. Но что толку, всё равно схватит! На окне ставни, дверь он за собой запер, да и выскочи она в коридор — никто здесь не защитит, не поможет. Даже хозяин, которому вперёд уплачено. Не он ли дал Хтару запасной ключ?

Девушкой овладела паника. Что делать, что делать?! Толстые пальцы уже почти дотянулись до неё, чиркнув по плечу камнем от перстня. Ещё чуть — чуть, и... Мужчина с грохотом полетел

на пол, матерясь на не вовремя упавшие штаны. Верёвка порвалась. Или, наоборот, как раз вовремя упавшие? Поднимать их он не стал, дальше просто пополз, шаря руками вокруг себя. Хоть под кровать прячься — всё равно отыщет. А больше и некуда...

Пахнуло палёным. Сначала слабо, потом сильнее. Только пожара в этом жутком доме не хватало! Эту мимолётную мысль перекрыл трубный рёв Хтара:

— Больно! Воды, воды!!

Он шарахнулся назад и со всей силы задолбился в дверь, забыв, что сам же её и запер. Сообразил, наконец, и буквально вывалился в коридор, одной рукой подхватил штаны и понёсся по направлению к умывальне. Тошнотворный запах горелых волос шлейфом потянулся за ним. Это что ж, выходит, он и горел??

Девушка поскорее вновь захлопнула дверь. Ключ на этот раз оставила в замке, кое-как сдвинула с места громоздкий сундук и загородила вход. Вдруг да Хтар ещё раз придёт, сразу с топором на её сглазливую голову...

Не сразу, но Лита всё же догадалась, что и штаны, и дымящаяся плешь — её невольная работа. Знала за собой такое: стоит сильно напугаться, и тщательно сдерживаемая 'ведьминская' сущность словно прорывается наружу и чинит обидчикам неприятности. Редко такое случалось, редко. Мама говорила, что помнит всего два таких случая, и оба ещё в детстве были. Потом Лиита научилась со своими страхами бороться; другие же сильные чувства — радость, гнев или обида, к чужим неприятностям, по счастью, не приводили. Вот поэтому даже с вредной и неласковой сестрой девушка спокойно жила под одной крышей, знала, что зла ей никакого не сделает. А тут всё же не сдержалась... И немудрено.

Через какое-то время усталость взяла своё. Девушка крепко уснула и проспала аж до позднего утра.

Никто больше в её комнату не ломился. Утомлённые ночным весельем постояльцы ещё не вставали, а, может, наоборот, давно разошлись по своим делам. Лиита наскоро прибралась в комнате, закинула на плечи свой короб и направилась к выходу, по пути опасливо косясь по сторонам. Уже у дверей столкнулась с хозяином.

— Так вон оно что! — хмыкнул он себе в усы. — Не разглядел я вчерась твои глазки! Думаю, совсем Хтар на старости лет умом тронулся... А ты и в самом деле ведьма. Жаль, я хотел тебе предложить у меня поработать. Девка ты пригожая и на вид скромная, некоторые мои гости таких очень любят... Ладно — ладно, не смотри так яро, пошутил я. Вот тебе, считай за извинение и не поминай лихом! Не со зла я, думал, оба внакладе не останемся...

Денежка была даже больше, чем она заплатила за ночлег, и Лита решительно помотала головой. Но хозяин чуть не насильно впихнул ей монету, видно, и в самом деле опасался сглаза. Скрепя сердце девушка сдалась и поспешила покинуть это негостеприимное заведение.

— Ах, ты ж, какая красота! Сказочная!

Лиита обернулась, на всякий случай поудобнее перехватывая ремни короба. Час назад какой-то паренёк прямо на улице привязался, как банный лист, всё красавицей называл и норовил помочь 'донести такую тяжесть'. А когда узнал, что поклажа нетяжела — всего-то пара платьев и нитки для вышивки, отчего-то огорчился и с укоризненным 'эх ты, деревня!' пошёл себе восвояси. Странные тут нравы, ох, странные...

На этот раз рядом обнаружилась пожилая дородная женщина в узорчатой юбке и нарядном платке, расшитом удивительными красными птицами. Лиита во все глаза уставилась на них, не замечая, как женщина так же пристально разглядывает её платье.

— Где ж тебе, девонька, таких бабочек расчудесных вышили? Не в столице, часом? У нас? то я точно ничего похожего не видела! Дорогая ведь вещь, а ты её так занашиваешь, ремнями вон протираешь...

Девушка невольно улыбнулась.

— Как раз дешёвая. Полотно так совсем простое, нитки и то дороже обошлись. А вышивала сама.

— Ты?? — не поверила женщина.

Слово за слово — и они присели на очередную ничейную лавочку под деревом и с упоением погрузились в любимую для обеих тему. Лиита между делом и её спросила про Дарона, но та в ответ лишь покачала головой. Незаметно для себя девушка рассказала новой знакомой свою немудрёную историю и получила в ответ неожиданное предложение. Царина сама оказалась искусной швейей и кружевницей. Много лет они с мужем держали модную лавку, сейчас она её единоличная владелица. Лавка, между прочим, не рядовая, а лучшая в городе, её одежду только дворяне да богатые купцы носят. Цену за свои изделия Царина просит немалую, но все знают — они того стоят. Потому что ткани берутся самые дорогие, а узоры да вышивки никогда не повторяются. Для знати это, оказывается, самое главное.

Лиита слушала и удивлялась, что такая важная персона так запросто с ней разговаривает, а не ходит, нос к небу задравши. А уж когда услышала само предложение, и вовсе растерялась. Ей — и идти в её лавку помощницей! Да разве она справится?!

— Справишься. Работы у меня мало не бывает, но коль не лениться и стараться, не только на кусок хлеба, а на целый дом через несколько лет заработать можно. Я не шучу. Понравятся покупателям твои вышивки — платить будут ещё больше, лишь бы друг друга перещеголять. Уж я знаю, что говорю... У меня целых шесть помощниц: кто кроит, кто шьёт, кто кружева плетёт. Но на такую тонкую работу даже моего опыта не хватит. Не бойся, Лиита, не обижу я тебя, не стану заставлять сидеть целыми днями за пяльцами. Понимаю, молодая, хочется и на ярмарку пойти, и со сверстницами погулять. Комнатку я тебе дам, дом у меня большой. Да только одна я в нём живу, пять уж лет почти...

Девушка проглотила невольный комок в горле. Как же ей хотелось согласиться не раздумывая! Но...

— Спасибо за вашу доброту. Да ведь я вам всех покупателей распугаю. Чуть что случится, скажут — сглазила, и никакие оправдания не помогут. Было у меня такое, и не раз. Не хочу, чтобы вас заодно со мной в ведьмовстве обвинили. Нечестно это.

Царина на это лишь сердито отмахнулась.

— Не думай даже об этом! Люди верят только в то, во что им выгодно верить. Ради красивой вышивки тебе не только глаза, а рога на голове простят. Пусть только кто заикнётся — не пущу больше в свою лавку! А ты, коли стесняешься, можешь и вовсе к покупателям не выходить, сиди себе в задней комнате да работай спокойно. Ну, что скажешь?

Лиита с облегчением улыбнулась и закивала.

Эта случайная встреча оказалась счастливой. Тётушка Цара ничуть не перехвалила свою лавку, постоянных покупателей у неё оказалось просто уйма. И не абы каких, а сплошь именитых да важных. Новые подружки показывали ей в щёлку пришедших на примерку самых настоящих господ и их ещё более заносчивых слуг, которые приносили в лавку очередной заказ. Хозяйка всех встречала одинаково, приветливо и без подобострастия, а то и голос могла повысить, когда видела, что покупатель требует невыполнимого или начисто лишён вкуса. Лита просто поражалась её умению настоять на своём и при этом не разозлить вечно всем недовольного главного городского казначея или капризную и утомительную дочку наместника. Сама она ни разу не выходила в зал, когда там находились покупатели — боялась создать своей благодетельнице дурную славу.

Месяц пролетел совершенно незаметно. Каждый его день был для Лииты как маленький праздник. Любимое дело, которым она занималась с великим усердием, щедрая добрая хозяйка, ставшая скорее близкой родственницей, весёлые и смешливые подружки... Неудивительно, что вышивки у неё получались одна лучше другой. Особенно Лита полюбила расшивать детские платица и рубашки — яркими цветами и листьями, бабочками и птичками. Кто-то просил вышить котят, кто-то — море с кораблём, а один раз даже перья каких-то заграничных птиц. Тётушка Цара тогда дала ей на полдня выходной — сходить в зверинец, всё посмотреть да запомнить, вдруг ещё пригодится.

Вечерами девушка тоже не скучала. Сначала всё больше сидела дома — по привычке шила — вышивала себе или Царине. Потом, поддавшись на уговоры подружек, стала иногда гулять по городу, бегала с ними на ярмарку, покупала какие-то безделушки и сладости, а один раз даже поплясала в общем хороводе на празднике. Там же, на главной площади, она случайно встретила лавочника Дарона, которого уж не чаяла и увидеть. Смешно получилось: оказывается, его только в деревне и называли по имени, а здесь уже много лет он звался просто 'дядька Тыква'. Потому что торговал вовсе не вышивками, а овощами. А её работы относил в лавку соседа, там они и продавались. А ведь у этого соседа девушка ещё в первый день спрашивала про Дарона... Впрочем, они дружно решили — что ни делается, всё к лучшему!

Вдохновение не покидало Литу. Вскоре её работы оценили по заслугам и заказывали вышивки и кружева уже лично ей. Взамен девушка получала щедрое вознаграждение и, главное, переданные хозяйкой слова благодарности 'умнице — искуснице'.

А потом им заказали свадебное платье. Сложное и ответственное дело — сама дочь наместника замуж выходит! Ткань она прислала — целую кипу белоснежной и серебристой 'дымки', фасон и отделку обсудила с Цариной лично. Насчёт вышивки и кружев были не такие строгие указания, и Лиита целый день просидела, придумывая и рисуя разные варианты узоров. Невеста выбрала один, и мастерица сразу взялась за работу.

Они уложились ровно в срок. У Литы подчас слезились глаза и болели пальцы, но обещанная награда стоила всех потраченных усилий.

Платье забирали завтра с утра. Помощницы разбрелись кто куда, а Лиита с хозяйкой остались дома. Девушка слишком устала и переволновалась — а вдруг невесте что-то не понравится? — и то и дело бегала в лавку. Вертела платье и так, и этак, выискивая малейший изъян: может, где нитка видна или самоцветный камушек оторвался? Тётушка Цара лишь посмеивалась над её страхами. Самолично заварила ей чай с душицей и мятой, заставила выпить... А потом с заговорщицкой улыбкой позвала снова прогуляться до лавки.

— Охота мне взглянуть на наше платье со стороны, на вешалке-то не видно, насколько хорошо.

— И правда. Жалко, что мы на невесту не поглядим. Она и так красавица, а уж в этом платье... Вот радость жениху будет!

— Ой, да в нашем платье даже я раскрасавицей покажусь! — засмеялась хозяйка. — А ты, Литушка, хоть и саму княжну за пояс заткнёшь. Давай?ка, примерь его, ведь вижу, что хочется!

Лиита густо покраснела и опустила глаза. Всё?то подметит тётушка! Уж на что она до нарядов не охоча, но против такой красоты устоять трудно.

— Нет — нет, я вовсе...

— Примерь. Никто ж не узнает. В зале у меня зеркало большое, в полный рост себя увидишь. Будет хоть, о чём в старости вспомнить.

Девушка снова замотала головой.... А рука сама потянулась к вешалке с платьем.

Царина смахнула невольную слезу умиления. Что там, в самом деле, какая?то дочка наместника! Пусть Лиита и не писаная красавица, но сейчас кажется такой прекрасной, что сердце щемит... Не ведьма она, а волшебница, юная и добрая фея из детских сказок, воздушная и сияющая. Жаль, нет художника, чтобы мог нарисовать, продлить в памяти этот чудесный миг!

— Косу расплети, я тебе сейчас кружевную ленту принесу, и серьги свои свадебные. Такую невесту из тебя сделаю — сам князь жениться захочет!

Лиита, смеясь, проводила глазами возбуждённо подпрыгивающую хозяйку и снова повернулась к зеркалу. Вот странно?то! Она это, и в тоже время не она. Вроде такая же, как всегда — глаза, волосы, руки, которыми она то и дело расправляет платье — но всё кажется, что отражение не её, а той незнакомой девушки, что стоит у неё за спиной. Она даже два раза обернулась проверить.

Третий раз обернулась не сразу — на громкий скрип двери.

— Тётушка, как вы быстро!

Улыбка на миг застыла на губах, а потом погасла без следа.

На пороге комнаты стояла вовсе не тётушка, а двое незнакомых мужчин. Богато одетый господин с красивым хищным лицом и паренёк в нездешней военной форме. Лиита от страха не могла больше вымолвить ни слова. Нежданные посетители тоже молчали и смотрели на неё во все глаза.

Тишину нарушила вошедшая хозяйка. Замялась на какое?то мгновение и тут же решительно встала перед гостями, отгеснив от них Лииту.

— Что вам угодно, господа? Сегодня мы уже закрыты.

Девушка, повинувшись едва заметному жесту, подобрала платье и стремглав кинулась в заднюю комнату. Жаль, что оттуда нет выхода! Может, вылезти в окно?..

Она не видела, как первый мужчина дёрнулся было за ней, но наткнулся на непреклонную хозяйку.

— Вы испугали мою дочь. Я прошу вас уйти.

— Это ваша дочь? А как её зовут? — восторженно блестя глазами, спросил юноша. На него оглянулись с одинаковым неудовольствием.

— Прошу прощения. Я хотел купить у вас рубашку, мой оруженосец умудрился посадить на неё пятно. Завтра мне необходимо присутствовать на свадьбе...

— Понимаю. Думаю, смогу вам помочь. Идёмте.

Царина кивнула на дверь второй комнаты, где хранилась уже готовая одежда.

— Господин Яр, а как же...

— Ты выберешь, я подожду здесь.

Мужчина демонстративно сел в кресло и откинулся на спинку. Хозяйку такой расклад не устроил. Она попыталась позвать и его, но тот лишь небрежно отмахнулся.

— Мальчик, а как зовут твоего разлюбезного господина?

— Ярам! Командир личной сотни князя!

Услышав это, Царина поневоле прикусила язык. Вот, значит, кого занесло к ним в неурочный час... До столицы далеко, но талантливый и бесстрашный сотник даже у них знали. Даже она.

— Хорошо, пойдём.

Едва они вышли, расположившийся в кресле мужчина встал на ноги и бесшумно приблизился к двери, за которой скрылась перепуганная девушка. Он её испугал — его долг и извиниться. Для начала.

Лиита притаилась за вешалкой с платьем и сидела тихой мышкой, надеясь, что тётушка быстро спровадит неожиданных покупателей. Едва слышно скрипнула дверь, и она сжалась ещё сильнее, даже глаза зажмурила. 'Меня здесь нет, меня здесь нет...'

От лёгкого прикосновения к плечу едва не подпрыгнула на месте. Распахнула глаза — и увидела близко — близко от себя чёрные как ночь глаза незнакомца.

— Не бойся. Я тебя не обижу.

Что?то такое говорил в своё время и противный старый Хтар... Девушка затаила дыхание и вдруг услышала, как глухо стукнул по полу соскользнувший с пояса мужчины кинжал. Начинается...

— Уходите, вам нельзя здесь быть!

— Почему?

— Я вас боюсь.

Это честное признание вызвало на его губах странную улыбку, насмешливую и горькую одновременно.

— Почему боишься? Я тебе сделал что-то плохое?

Лита опустила глаза и стала смотреть на упавший кинжал.

— Пожалуйста. Уходите.

— Нет.

Жёсткие пальцы властно коснулись подбородка, заставляя поднять голову. В глазах мужчины отразилось понимание. Но не испуг.

— Вот в чём дело... Ты — ведьма.

— Нет! Я...

— Неважно. Мне плевать на чьи-то глупые суеверия. Больше тебя никто не посмеет обидеть... Пойдём.

— Ккуда?

— К наместнику. Я остановился в его доме.

Лита ничего не могла понять.

— Кто вы такой? Что вам нужно?

— Можешь называть меня Ярам, или просто Яр. А как зовут мою невесту?

— Откуда я знаю? — удивилась девушка, и он невольно улыбнулся.

А потом наклонился и прижался к её губам. Всё произошло так быстро, что она не успела ни увернуться, ни оттолкнуть его. И даже если б успела... Это ведь не старый пьяный купец, а молодой сильный мужчина с кинжалом. Такой разозлится — и...

Тук, тук, тук! Ярам чуть отстранился, продолжая пристально разглядывать её пылающее лицо. Медленно провёл пальцем по щеке, заправил за ухо длинную каштановую прядь.

— Ты прекрасна...

— А... у вас пуговицы оторвались...

Он посмотрел вниз и убедился, что это никакой не отвлекающий манёвр: серебряные пуговицы с его сюртука и рубашки теперь кучно лежали на полу возле ног, часть раскатилась в разные стороны. На одежде не осталось ни одной. Хорошо хоть, штаны у него не на пуговицах! Ярам весело хмыкнул, представив, с какой скоростью это робкое создание свалилось бы в обморок.

— Твоя работа?

— Я нечаянно... Только когда боюсь...

— А ты не бойся. Просто попробуй.

Да разве это возможно, когда он так близко?! Это совершенно неприлично, и к тому же... почему-то волнительно. Чуть — чуть.

Ярам взял её руку и положил себе на грудь.

— Чувствуешь, как бьётся сердце? Это всё из-за тебя. Моя ведьма...

Не соврал. Под Литиной ладонью словно кузнечный молот работает — часто и сильно. Вот только её собственное сердечко стучит ещё быстрее. Потому что она касается почти голого мужчины, её же собственными 'стараниями', между прочим... Под распахнутой рубашкой — гладкая смугловатая кожа, тёплая, почти горячая. Надо бы отдернуть руку, да его пальцы не пускают, придавили сверху — мягко, но непреклонно.

— Как зовут?то тебя, суженая?

Так это он... про неё??

— Лита, ты здесь?!

Высвободилась. Или он отпустил?

Царина распахнула дверь и окинула подозрительным взглядом красную как маков цвет помощницу и невозмутимого сотника в совершенно неприличном виде.

— Что вы тут делаете?!

— Знакомлюсь со своей невестой.

— Что...

— Вы её мать?

— Названая, — твёрдо ответила женщина. — И я не позволю её запугивать и унижать.

— Вы называете унижением то, что я собираюсь взять вашу дочь в жёны?

— Но... — 'это что же, не шутка?' — И... когда же?

— Я приехал сюда только на три дня. Не люблю откладывать принятые решения. Свадьба завтра. Всё равно к наместнику идти, проведут заодно и второй ритуал.

Лиита почувствовала, что задыхается. Невероятно... Разве так можно?? Что же это за человек такой, который вот так, мимоходом, перечеркнул всю её дальнейшую жизнь, все её планы, все мечты? Тётушка смотрит с жалостью и лишь головой качает. Значит, не заступится, не из такихов этот господин, чтоб с ним спорить...

На какое?то мгновение мир замутился и погас, а потом снова прояснилось — перед глазами и в мыслях. Исчезли подступившие слёзы, сердце перестало пойманной птахой рваться из груди.

— Господин Ярам. Мы не успели доделать свадебное платье для дочери наместника. Я не могу подвести матушку.

— Называй меня просто по имени.

— Хорошо... Ярам. Мне нужна эта ночь. Завтра платье должно быть готово. Без меня она не справится.

Мужчина, хмурясь, бросил взгляд на вешалку.

— Разве оно сейчас не готово?

— Не до конца. Я его нарочно примеряла, чтобы взглянуть.

— А похожего платья у вас нет? Я хочу завтра видеть тебя в нём.

Лиита выдавила из себя виноватую улыбку.

— Это её заказ. Мы работали над ним целый месяц. Я в любом случае не смогу с ней сравниться.

— Конечно, не сможешь. С этой пустоголовой куклой... — хмыкнул Яр. — Так и быть. Я готов подождать до завтра. Платье тебе куплю готовое, если здесь не найдётся. Жди меня утром, Лита.

Два стремительных шага — и он, не стесняясь Царины и притулившегося у дверей оруженосца, сжимает свою невесту в объятиях, целует быстро и крепко, а потом, кивнув хозяйке, наконец-то уходит. Паренёк, спохватившись, поднимает забытый кинжал и неловко собирает в горсть рассыпавшиеся пуговицы. Лиита приходит ему на помощь, выискивая оставшиеся под вешалкой, кладёт ему в руку — и наблюдает второй серебряный дождь.

— Опять уронил, вот растяпа! — ворчит хозяйка. — Да уйдёшь же ты когда-нибудь?!

Парень краснеет и извиняется. Осторожно ссыпает собранные пуговицы в карман, кланяется Царе, а с её 'дочкой' прощается по — столичному — легонько целует тыльную сторону ладони.

Хозяйка запирает за ним дверь и со вздохом подсаживается к рухнувшей на лавку девушке.

— Вон оно как вышло-то, Литушка... Не загадывала я так быстро с тобою расстаться. Да видно, судьба твоя такая. Яр богатый человек, к самому князю приближен. И собой хорош, говорят, многие по нему вздыхают, даже княжна. А он тебя выбрал... Завидная доля.

— Да, тётушка. Спасибо вам за всё, мне было у вас так хорошо...

Поплакали. А потом Царина погнала её спать. Всего-то и выторговала себе ночку свободную, пусть хоть отдохнёт перед завтрашними волнениями! Ещё и платье надобно соорудить, да покрасивше! Готовое какое, что ль, ушить?..

Большую часть скопленных денег Лита оставила хозяйке. И так мало за её доброту... Взамен набрала кое — каких продуктов, взяла в лавке мужскую одежду, что хоть как-то по размеру подошла, а на конюшне — крепенькую и спокойную серую кобылку.

Уехала до свету. Позади оставалось ещё одно ставшее родным место. А впереди была неизвестность. Куда теперь ехать, она просто не знала.

И поехала — наудачу.

Глава 3 'Из огня да в полымя'

Нелегко далось Лиите это вынужденное путешествие. То ли случайно забрела в края с неприветливыми, недобрыми людьми, то ли удача и в самом деле отвернулась — не признала в мужском наряде. С другой стороны, хоть в этом она не ошиблась — девку бы уже давно не

только обокрали, а ещё чего похуже учинили. За неделю пути лишилась Лита и лошадки, и части денег — среди бела дня отобрали лихие молодцы. Да ещё хорошей оплеухой угостили и смеялись гадко... На одежонку и рукодельный ящичек не польстились, короб и тот оставили — зачем, мол, нам такой потрёпанный да тяжёлый. А вот оставшиеся пироги съели. Поклонились издевательски — и были таковы.

На следующий день во встречной деревне Лиита выменяла свой добротный кафтан на тот, что попроще, и рубаху из грубого небелёного полотна. К крестьянскому парню авось и не привяжутся разбойники, подумают — что с такого взять. А у неё ещё денежки и мамины бусы по укромным местечкам запрятаны. Что радовало, так это удачная шапка: большая и бесформенная, она надёжно скрывала косу. В её тени и разноцветные глаза оставались незамеченными. Тем более, никто особо и не вглядывался — чего на мальчишку смотреть. А мужчин с ведьминой приметой у них отродясь не бывало.

Деньги Лита решила приберечь на крайний случай, а пока предлагала свою помощь за еду. Не шить — вышивать, конечно, она ж теперь 'мужик'. Многие отказывались, гнали со двора — какой им прок с такого хилого? Поневоле выручали одинокие старушки: у них и огороды небольшие, и воды много не тратят. Угощали тоже просто, но Лита была благодарна и за обычную кашу без масла.

Кочуя от одной деревни к другой, она всё думала, когда же можно будет вернуться к тётушке Царе. Господин Яр уж, верно, в столице и давно забыл о своём мимолётном капризе. Зря она, конечно, надела то платье. Потому что не её увидел Ярам, не простую деревенскую девчонку, а красивую и загадочную 'княжну'. Даже странно, что он не повёл себя подобно Хтару и сразу предложил брак. Точнее, не предложил — просто известил о своём решении. Привык, видать, что все его слушаются. А о том, что будет дальше, не подумал. Как посмотрели бы на неё у наместника, что, увидев её ведьмины глаза, сказал бы ему князь — покровитель. Даже ей, толком не знающей жизни, ясно, что не вышло бы из его затеи ничего хорошего. Одумался б, и скоро — а ритуал уже проведён, и он навек связан с глупой необразованной деревенщиной. Как говорила матушка, курам на смех...

Все эти доводы Лиита изложила в письме, которое оставила господину Яру. Она надеялась, что потом, когда поутихнет его гнев, он всё же поймёт, что поторопился. И уедет восвояси, ничем не навредив доброй тётушке.

— Спасибо тебе, соколик, — бабушка Юва протянула нежданному помощнику кружку с молоком и тяжело присела рядом на завалинку. — Думала, пропадёт мой немудрёный урожай, опять у соседей покупать придётся. А они, собаки, и за простую репу цену дерут. Знают, что ноги?то у меня совсем не ходят. И спинушка ноет, силов нет...

Хорошая старушка, бедная, а нежадная. Не только накормила — напоила, на ночь к себепустила, так ещё и отнеслась к 'соколику' по — человечески. Поэтому и помогала ей Лита с удовольствием. И овощи с огорода собрала, и воды огромную бочку натаскала, и в доме прибралась, и для козы сена накосила. Вот только с дровами загвоздка, не по силам ей оказалось деревья рубить. Пилить с батюшкой пробовала, да он надолго и не давал, говорил — неженское это дело, лучше соседского сына позовёт. Придумала оставить бабушке денег из своих запасов, пусть уже колотые дрова купит. Негоже ей зимой мёрзнуть.

— Ничего, баба Юва! Я вам постараюсь в лесу одну целебную травку найти, у нас в деревне, у кого спину прихватит, все ею лечатся.

— Что за травка?то, сынок? Мож, и я знаю? — заинтересовалась хозяйка.

Лита хотела ответить — и в миг побелела как полотно. Всего?то один рассеянный взгляд поверх дырявого забора...

А там, на улице, прямо против дома — господин Ярам со своим оруженосцем!! Одежда на обоих военная, походная, кони — не чета купеческим. Особенно сотницкий, могучий, чёрный как смоль. Хозяину под стать. Что они тут делают??

— Уважаемые! — не спешиваясь, окликнул их паренёк. — Мы разыскиваем девушку, молодую, красивую, коса вот такая и глаза ведьмины. Не видали часом?

У Литы упало сердце. Он её не забыл! Он её ищет! Зачем?! Гадать не приходилось — изловить и наказать за своеволие. Судя по мрачному лицу, церемониться с беглянкой Ярам не собирался. Ой, а как же тётушка Цара?! Ей?то он ничего не сделал?!

— Ии, сынки, откуда ж в нашей глуши ведьмы? И без них плохо живётся. Не видала я. А ты, соколик?

Чёрные глаза мимолётно скользнули по лицу, и девушка истово замотала головой. Только чудом шапка не свалилась...

'Уезжайте же! Скорее!!'

Звяк, звяк!

Нетерпеливо приплясывающий на месте жеребец возмущённо заржал. Сразу две подковы отвалились!

— Неделю назад подковали! Ну и кузнец! — присвистнул оруженосец.

Яр скривился и спрыгнул на землю, взял коня под уздцы и двинулся дальше по улице.

— Кузня в последнем доме с того краю! — крикнула вдогонку старушка. — И кузнец у нас не чета городским, подкуёт как надобно!

— Спасибо, бабушка!

Оруженосец помахал и тронул коленями бока своего коня.

Баба Юва повернулась ко всё ещё дрожащему 'соколику' и весело хихикнула.

— Не пужайся, уехали они! И назад через меня не поедут, от кузни на тракт дорога лучше. Ну — кась, а теперь Расскажи, чего учудила, что за тобой такой важный господин гонится?

Лиита замерла. Как она догадалась?? И... почему тогда не выдала?

Старушка снова по — девчоночьи хихикнула и похлопала помощницу по руке.

— Ноги?то у меня больные, а глазки здоровые, ведючие. Всё вижу, всё подмечаю... И то, что ты девка, ещё вчера поняла. Всё думала — для чего ты мальцом?то оделась? А вон, стало быть, в чём дело. Жаних это твой?

— Не знаю, — вздохнула Лита. — Узнаю, когда догонит.

— А ты не хочешь, чтоб догнал?

— Нет.

— Ну так и успокойся. Видишь — не узнал он тебя. Дальше поедет, верней всего через большие сёла в Озёрный. Город это большой, спрятаться в нём легче лёгкого... А ты тогда в другую сторону, по окольной дороге иди. Всего?то три денёчка — а там уж и до приграничья рукой подать. Есть там один город, зовётся Соколиный Берег. Не чета Озёрному, но тоже немаленький. Вот туда тебе и надо.

— Почему?

— А потому, девонька, что народ там хоть и суровый, а суеверий всяких глупых не боится. Вернее, считает, коль сглазили тебя — так скорей всего за дело. Кумекаешь, что к чему? Была у меня задушевная подружка, давно она туда перебралась. Всё к себе звала, да некогда было. А теперь уж поздно, не дойду, и от неё весточек почитай два годка нет, не иначе померла сердешная... А уехали они потому, что внучка её с разными глазами родилась. И ведь не шибко заметно, да наши?то злыдни совсем затравили малуху. А в Соколином всё по — другому. Писала Маля, что живёт девка свободно, на целительницу учится. Никто её не шпыняет, не обижает, да она и сама бойкая, за словом в карман не полезет. Надёжная тебе будет подружка.

Лита всхлипнула и ткнулась лбом в сухонькое старческое плечо. Есть же на свете добрые люди!

— Тихо. Ты только не кричи, ладно?

Мужская ладонь оторвалась от её губ и осторожно развернула к себе. Почти невесомые пальцы на плече — не схватить, поддержать. И верно, упала бы со страху...

Паренёк — оруженосец смотрит на неё, слегка улыбаясь. На щеках от этого ямочки. Говорят, такие люди злыми не бывают. Правда ли?

— Здравствуй, Лита. Я ненадолго отпросился, пока господин Яр у старосты обедает. Я ему не скажу, что тебя видел.

— Почему? И как ты меня нашёл? По подковам?

— По ним. И ещё по одному признаку... А почему не скажу ему, на то причина простая.

— Он женат уже? — с надеждой спросила девушка.

— Да нет, с чего ты взяла? Слышал я другое: когда?то давно нагадали ему суженую ведьму. Он, конечно, не верил, смеялся. Пока тебя не увидел.

— Да мало ли на свете таких, как я!

— Мало, но ты уж точно не первая. Должно быть, господин Яр в тебя сразу влюбился, с одного взгляда. Я в книжках читал, бывает такое. Издалека?то не видно, какие там у тебя глаза... А уж потом разглядел и решил, что одно к одному — права была гадалка. Только вот... не это главное. А то, что ты за него не хочешь. Ведь так?

— Не хочу.

— А почему? Про письмо своё можешь не говорить, я его прочитал, случайно. Здравые доводы, но господину моему они чистой глупостью показались. Ты, верно, не знаешь, что ему почти

никто не указ. Сам князь знает о том, что ему ведьму предсказали, и против ничего не имеет. Сказать почему? — парень на всякий случай оглянулся и понизил голос. — Потому что дочка его сама в Яра влюбилась. А она с детства за соседского князя просватана. Вот и боится наш, чтоб конфуза между государствами не случилось, говорит, пусть сотник хоть на кикиморе женится, да поскорее, лишь бы Дажута о нём печалиться перестала.

— Вон оно что... Скажи, сильно на меня Ярам злился? Царину не тронул? Извелась я вся за неё...

— Ты что, конечно, не тронул, она же женщина... Но злился знатно, это да. Даже на свадьбу не пошёл, как его наместник ни уговаривал. Собрался да поехал тебя искать. Лит, ну что ты вздыхаешь так горестно? Неужто Ярам не по нраву тебе пришёлся? Не верю я в это.

Девушка села на поваленное дерево и рассеянно похлопала по стволу.

— Садись рядом, в ногах правды нету... Зовут?то тебя как?

Парень снова заулыбался, показав ямочки.

— Спросила всё?таки. Риньяр я.

— Дворянское имя?

— Какая разница, ежели гол как сокол! — фыркнул он. — Зови просто Рин.

— Не Яр?

— А, так батюшка с матушкой называли, но сама понимаешь — сейчас Яр может быть только один.

— И то верно...

— Послушай, Литя. По мне, так вы оба поторопились. Он не дал подумать, ты его узнать не успела, не привыкла к нему. А Ярам — он человек редкий, честный да надёжный. Я у него уже три года служу. Строгий — это да, так при его службе по — другому и нельзя. Зато войны наши его очень любят, умный он, решительный, и при этом не какой?то задавака, ежели услышит дельный совет — прислушается, даже спасибо скажет. Редко такое бывает, но бывает. И с женщинами он ласков, никогда ни на одну руку не поднял... Где ты себе лучшего мужа сыщешь?

— Лучшего не сыщу, — не сразу ответила она. — Правильные слова ты говоришь, Рин. Хозяин твой всем хорош. Да только... Запоздал он маленько.

— Другому обещалась? — нахмурился парень.

— Нет. Просто много думала обо всём, и вот что надумала. Раньше ведь я не своим умом жила. Что родители скажут, то и делала, не перечила. А как одна осталась, ушла из деревни — поняла вдруг, что могу сама свой путь выбирать. Как работать, где жить, за кого замуж идти, или не идти вовсе — никто мне теперь не указ. Не хочу я, чтоб за меня решали, хочу сама судьбу свою найти. Знаю, что гордыня во мне говорит, что ошибусь, и не раз, что больно будет... Но это будут мои ошибки, и ничьи больше. Понимаешь, Рин? Я раньше совсем жизни не знала, а теперь как заново ходить учусь. И это так интересно! Вот отобрали у меня деньги и лошадь — ясно же, сама виновата, не подумала, что так может случиться. Зато впредь буду

умнее. И новых уроков не боюсь.

— Только Яра? — криво усмехнулся оруженосец.

— Да. Потому что такой, как он, воли не даст. И буду я до старости дома сидеть, с вышивкой у окошка, мужа ожидаючи... Раньше б, наверное, смогла. А сейчас — нет. Задохнуться боюсь...

Рин кивнул и поднялся.

— Необычные вещи ты говоришь, Лита. Но, кажется, я тебя понял. Что ж, значит, дальше — как судьба решит. Может, встретимся ещё, может нет. Отсюда мы верней всего в Озёрный поедем, а там и до столицы недалеко, постараюсь уговорить его вернуться. Да хранят тебя стихии!

Невесомый поцелуй ладони — и парень, не оборачиваясь, пошёл обратно к деревне. Лиита проводила его глазами, посидела ещё, пытаясь справиться с невольной грустью, и, наконец, снова занялась делом — поиском целебной травы для бабушки Ювы.

Вернувшись, она вполне ожидала увидеть в доме господина Яра. Неужто его верный оруженосец и впрямь не проговорится? Какая ему с этого выгода? Глупые слова глупой девицы против желания господина — разве это выбор?

Но всё было тихо. Только хозяйка с удивлённым смешком сообщила, что приходил паренёк, что из тех двоих, и оставил ей целый мешочек серебра. 'Вам с Литой'.

Зачем?? Он же сам говорил, что небогат. Эх, Рин...

Лиита задержалась в деревне ещё на день. Сама купила дрова, проследила, чтоб поленницу ровную сложили, договорилась с плотником поменять в домике прогнивший пол, вместе с хозяйкой заквасила целый бочонок капусты на зиму. Жалко было расставаться с бабушкой, да только словно толкал её кто — хотелось снова в дорогу, увидеть незнакомый город с таким красивым названием.

Лита обещала по весне вернуться, навестить её, и сама верила, что сбудется это. К новому походу подготовилась получше: монетками по совету Ювы выложила подмётки сапожек, остальное ценное рассовала по разным укромным местам. Запаслась непромокаемой накидкой на случай дождей, к жёстким ремням короба пришила изнутри маленькие подушечки — должны меньше в плечи врезаться.

Ушла рано утром и ближе к ночи достигла большого дремучего леса. Эх, кабы обойти его, но хозяйка говорила, что это крюк дня на четыре. Долго.

Переночевала на опушке и решительно направилась вглубь леса, по узкой заросшей дороге. Всё?таки кто?то же тут ездит, значит, и она пройдёт. По пути подбадривала себя, думая о Соколином. Бабушкина подруга писала ей, что город этот стоит на высоком берегу пограничной реки Синицы, а уже за ней начинается чужая земля. Купцы говорят, странные там места. У нас земля чёрная — там почти белая. У нас озёра — у них болота. У нас — дубы, берёзы да ясени, у них осины и ёлки, ёлки, ёлки... А ещё, говорят...

'Странно, в лесу — и утка крикает, — подумала, прислушиваясь, Лита. — А филин будто ей отвечает. Что за чудеса?'

Ответ на свой вопрос она получила неожиданно скоро. И он её не обрадовал, совершенно.

'Чудом' оказалось человек десять разномастно вооружённых мужиков. Кто в мгновение ока спустился с дерева, кто вылез из засадных кустов и овражка — и теперь все они надвигались на одинокого путника, сверкая предвкушающими редкозубыми улыбками. Лита рванулась было назад — поздно, и там разбойники! Захотелось по — женски завизжать от страха, да нельзя. Признают в ней девку, пожалеет не то, что за Яра не пошла, а вообще что на свет родилась...

— Хватай его, братцы!!

— Чего ты радуешься, Прон? Не видишь — такая же нищета, как и мы!

— Не хочешь, так мы с тобой и не поделимся, Мотька!

— А, может, отпустите? — внутренне дрожа, попросила Лита. — Я вам короб отдам, хоть там и правда ценного нету... Только не убивайте!

— А это, щенок, будет зависеть от твоего поведения! — хрипло рассмеялся самый рослый и косматый разбойник в необычной зелёной шапке. — Тебя связать и волочь, али сам пойдёшь?

— Пойду...

Даже короб пришлось самой нести. Понимали, что навряд ли там мешок самоцветов запрятан, вот и не торопились делить добычу.

В дороге (шли, понятно, без дороги вовсе, кусты — овраги — перелазы без счёта), Лита прикидывала, стоит ли попытаться бежать, и пришла к неутешительному выводу — у неё ни единого шанса. Что ждёт её в ближайшем будущем? Думать об этом не хотелось, но вариантов было немного. А удачного среди них и вовсе ни одного. Не отпустят её разбойники, пырнут ножом да закопают в ближайшей яме... Недолго же она наслаждалась свободой! Посмеялась над ней судьба напоследок, на место поставила. Наказала за гордыню.

Девушка не сразу заметила, что у её страха начались вполне закономерные последствия. Почему?то пока нестрашные: всего?то начали разбойники то и дело спотыкаться и падать на ровном месте, кто?то на острый сучок до крови напоролся, кто?то тяжёлой смоляной шишкой промеж глаз схлопотал. Главарь и не заметил, как свой зелёный колпак где?то посеял, ох, и ругался!

А дальше всё случилось быстро. Лита не успела отшатнуться — косматый подскочил и со всей силы рванул с неё шапку. Вроде большая, может, налезет...

Тяжёлая коса, размотавшись, упала на спину. Разбойники на миг замерли, а потом радостно зашумели. Девка! Вот так удача!! Главарь, ухмыляясь, встал перед пленницей, расправил плечи и гордо подбоченился.

— Не представляешь ты, крася, как тебе сегодня сvezло! Такие кавалеры — один другого лучшее, и все твои!

— Чур, я второй! — выкрикнул кто?то.

Новый взрыв смеха, и Лиита почувствовала, как кровь стремительно отливает от лица. Уж лучше сама... батюшкин ножик в кармане...

— Что случилось?то, братцы? Стемнело уже?

— Ой, я ничего не вижу...

— Глаза жжёт!!

Разбойники испугались, не понимая, что с ними происходит, и поневоле отвлеклись от своей пленницы. Но не все. Главарь, не замечая, как нагревается в ножнах его кривая сабля, в два шага оказался рядом. Ухватил за косу, больно намотав на руку, заглянул в лицо...

— Она — ведьма!!

— Аа! Сглазница, порчу наведёт!

— Дурак, на нас и так порча, иначе б тут не сидели...

— Порешить её, и дело с концом!

— Нет, сначала...

— Вот сам и давай, а мне ещё шкура дорога!

— Йиии! — перекрывая шум, тонким противным голосом заорал главнюк. Отпустил косу, швырнул наземь саблю, с ужасом глядя на обожжённую ладонь. — Это всё ты, ведьма!!

— Убить её!

— А, может, подождём, покуда...

Дальнейших слов Лита уже не услышала. На её затылок опустилась тяжёлая стальная рукоять, и мир со всеми его страхами исчез.

Глава 4 'Ошибка'

Холодно. Неудобно. Больно.

Ощущения возвращались к девушке неторопливо, будто жалея её. А что толку? Самая первая и горькая мысль — 'не успела...'

Теперь батюшкин ножик вместе с остальными немудрёными пожитками валялся на грязном неструганом полу разбойничьего логова. 'Хозяева', количеством четверо, во главе с обожжённым главарём без особого интереса ковырялись в нитках и тряпках, то и дело косясь на привязанную к лавке пленницу. Хорошо хоть, рубаху на ней оставили, она длинная, ноги почти до коленей прикрывает. Сапоги тоже сняли, но распотрошить пока не догадались. Зато бусы мамыны нашли — и издевательски нацепили девушке на шею.

— Красуйся, ведьма!

Главарь сел в ногах лавки и задумчиво воззрился беспомощную жертву. Беспомощную ли? От этих сглазниц всего можно ожидать. Но прикончить девку вот так, не позабавившись, тоже как?то глупо. Они тут в лесу совсем одичали, а она вся из себя молодая — красивая... Свои же не простят!

— Что ж мне с тобой делать?то, злыдня вертлявая?

Лиита молчала. Смысл что?то отвечать, умолять, унижаться? Исход всё равно один. Ей

овладела странная апатия: что заслужила, то и примет, кто она такая, чтоб с судьбой спорить...

Главарь между тем встал и с торжествующей ухмылкой ткнул в неё пальцем.

— Придумал! Вот тебе моё последнее слово! Мы тебя...

— Что ещё мне тут за новости, а?!

От раздавшегося где-то снаружи рёва невольно дёрнулась не только Лита, но и все разбойники разом. Удивительное дело — даже главарь спал с лица и будто съёжился, став меньше ростом; кое-кто и вовсе предпочёл спешно нырнуть в окно.

Убраться успели не все. Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалился натуральный 'медведь' — огромный, заросший по самые уши мужик в меховой безрукавке, жалобно трещающей на его необъятной груди.

— Что вы тут без меня опять учинили, окаянные?! Вых, ты опять за своё?!

Главарь (или не главарь?) забежал глазами и отступил к стенке.

— Так мы это... Чутку совсем... Скучно же...

— А над девкой беззащитной измываться весело??

— Зато смотри, какая ладная попалась, а, Гиор? Для тебя ж старались, думали, сделаем тебе подарочек!

'Медведь' одарил подхалима откровенно брезгливым взглядом и приблизился к лавке. У Литы окончательно упало сердце. Какими бы ни были отношения внутри шайки, но в такой ситуации на неё не польстится разве что увечный или шибко суеверный. 'Медведь' не казался ни тем, ни другим...

Наклонился, смерил её изучающим взглядом. Где-то за его спиной хлопнула дверь — остальные разбойники спешили убраться подальше.

Бабах! Это у стола и второй лавки непостижимым образом подломились ножки. Тут же с треском лопнула удерживающая Литу верёвка, запахло горелым — наверное, её страх подпалил что-то из вещей. Но самого главаря её 'сглаз' почему-то не коснулся. Он же ни разу не обернулся на шум и продолжал рассматривать пленницу очень странным взглядом. Будто глазам не верил... Потом протянул к ней огромную ручищу и легонько провёл по гладким зелёным бусинам. Медленно огладил единственную синюю... Где-то в доме тотчас истерически взвыл целый разбойничий хор.

— Откуда они у тебя?

Девушка чуть приоткрыла малодушно зажмуренные глаза.

— От мамы... остались...

'Медведь' изменился в лице. Схватил за плечо, поднял, усаживая на лавке и не замечая, что её крупно колотит от страха.

— Литушка?!

Глаза распахнулись сами.

— Откуда вы знаете?..

Из горла мужчины вырвался странный булькающий звук.

— Как не знать, коль сам тебе имя давал? Доченька...

Вот тут она и лишилась чувств.

Когда очнулась, долго не могла понять, где находится. Незнакомая полутёмная комната с низким потолком, в маленькой печке мирно потрескивают дрова, бросая на стены тёплые блики. И ей самой тепло, на пахнущем сеном тюфяке под овечьим одеялом.

— Очнулась, Литушка?

Вздрогнула и резко села на постели, подтянув одеяло до самого подбородка. Главварь встал с лавки и медленно приблизился, сел у топчана прямо на пол.

— Не пужайся, теперь всё позади, не тронут тебя больше. Я этим червям потом сам руки — ноги повыдергаю, особенно Вышу. Давно пора его приструнить, гада ползучего... — Вздохнул, глянул виновато. — Уж не чаял с тобой и свидеться, да ещё так. А Заряна, стало быть...

Лиита кивнула, и мужчина сник, опустив могучие плечи.

— Давно?

— Нет, месяца два всего... А как же так вышло, что... Мама говорила, что отца моего по злому умыслу на каторгу забрали, когда я совсем маленькая была. Что бежал он оттуда вскоре... да не убежал далеко, охранники догнали и насмерть зарубили.

Гиор с силой дёрнул себя за волосы. Рано поседели они от такой жизни...

— Зарубили, да не насмерть. Я ведь живучий. Заполз в кусты, отлежался, потом до лесникова дома дополз. А лесник не забоялся, выходил. С тех пор куда меня только не заносило. Думал, выжду чуток да и заберу вас с мамкой в другое место, подальше от змейского гнезда... А когда пришёл — вас уж и след простыл. Где только не искал — всё впустую...

— Мы тоже скитались, — грустно улыbnулась Лита. — Мама потом говорила, что не могла больше в этой деревне оставаться. А почему — не знаю...

— Я зато знаю, — скрипнул зубами Гиор. — Из-за старосты нашего, чтоб ему на том свете одни нужники чистить... Он меня на каторгу и сплавил, обвинил в покраже большой, а сам же всё и подстроил. Слишком поздно я это понял... Но своё он сполна получил, не ждал ведь уже, что я вернусь. А я вернулся. Боялся, что Заряну мою он насильно за себя взял, а тебя, 'ведьму', в лес завёл и бросил там зверям на съедение... Он сулился так и сделать.

Девушка стёрла невольную слезу.

— Она мне никогда о том не говорила. Помню только, что ночь была, когда мы из дома уходили. Вещей взяли всего?то ничего... Тяжело приходилось поначалу, мама за любую работу хваталась. А потом...

— Другого встретила? — глухо спросил мужчина. Лита кивнула.

— Хороший он был. Вдовец. Как родную меня любил, и маму тоже. Мы с ним ладно жили, ни в чём не нуждались. Да только помер он по весне, простудился сильно. Мама за ним ходила, а потом сама...

Всхлипнула, и он не выдержал — обнял бережно; огромная ручища неловко погладила растрёпанные волосы.

— Она ещё сызмальства говорила — не теряй эти бусы, они для меня самые дорогие, отец твой на свадьбу дарил... Я их берегла...

— А уж как я вас искал! Пока всякую надежду не потерял, и вот...

— Не знали мы, что ты живой! Вся жизнь бы тогда по — другому пошла...

— Доченька, любушка...

Едва слышный скрип двери — и в комнату на цыпочках вошёл один из разбойников. Быстро поставил на стол накрытый крышкой горячий горшок, на всякий случай отвесил поклон спине предводителя и стрелой вылетел вон.

Еда почти остыла, когда про неё вспомнили. До этого Гиор попросил в подробностях рассказать о своей жизни без него и сам в ответ поведал о своей. Про мытарства свои неприкаянные, про работу разную и про встречу с разбойниками. 'Ограбить меня хотели. Ну, я их и поучил уму — разуму!' Разбойники впечатлились и тут же предложили ему стать у них за главного. Гиор подумал да и согласился. Но с условием: грабить только богатые купеческие обозы, и то не дочиста, людей без надобности не убивать, а крестьян — работяг и вовсе не трогать, свои как?никак, такие же бедолаги. Слушались его в шайке беспрекословно, лишь один Вых воду мутит, сам, видать, в главари метил. Вот и пользовался его отлучками для своих грязных дел. А ведь народ Гиора даже Робягутом прозвал, что на древнем наречии означает 'защитник слабых'. Для того и ходит он по деревням, разведывает не только когда очередной обоз вдоль леса поедет, но и как простому люду живётся, не забижает ли кто. В одном селе про него даже хвалебно — застольную песенку сложили... Это ли не лучшая награда за труды?

После еды Гиор велел дочери лечь поспать, пока он свою шайку песочит. А уж вечером они ещё поговорят, решат вместе, что дальше делать. Девице среди разбойников не место, значит, и ему пора 'на покой'. Хоть в том же Соколином осесть, коль она туда направляется...

Заснула Лита сразу — слишком уж поволновалась, устала за это утро. Впервые за всё время ей приснилась мама. Такая красивая, улыбается, зелёные глаза блестят. 'Литушка, вот счастье, твой батюшка нашёлся! Теперь мы с ним навсегда вместе будем!'

Проснулась резко, от криков и грохота. Что случилось?? Завидев рядом с кроватью свои вещи, поспешно оделась. Даже шапку вернули разбойнички, только она её, не постирав, не оденет, брезгует после подлого Выха. Косу на всякий случай спрятала под рубаху, чтоб не ухватили за неё сгоряча... Да что ж происходит?то опять?!

В это время в комнату вбежал Гиор. В одной руке верный меч, в другой — длинный кинжал.

— Встала? Хватай свой короб, да у меня в кармане мешок возьми, поглубже спрячь. Я тебя тайным ходом выведу. Ты в лесу схоронись и не высовывайся, пока не найду. Ясно?

— Что случилось?то, батюшка?!

Он судорожно вздохнул. Сколько лет этого слова не слышал...

— Солдаты княжеские на нас напали. Давно они нас искали... И нашли — так не вовремя, эх! Мои уж перед домом бьются. Не знаю, чем дело кончится, но тебя здесь не оставлю! Знаю я, как они на расправу скоры, обвинят с нами в сговоре и порешат на месте... Пойдём скорее!

— А как же ты, батюшка?!

Он легко сдвинул литую чугунную плиту под печью и подтолкнул девушку к открывшемуся лазу.

— Тут даже с коробом проползёшь. Выход в овраге, неподалёку в ёлках нора выкопана, не найдут тебя там. Иди.

— А ты...

— А я этому сброду покамест командир, и бросить их не могу. Завтра б сам ушёл, да видно...

Лита стремительно повернулась, на миг прижалась к его груди, привстав, поцеловала, куда дотянулась, в бороду, и более не мешкая нырнула в лаз. Гиор тут же снова задвинул его плитой.

Она поползла наощупь, ничего не видя перед собой из-за темноты и слёз. Почему так выходит?! Что за судьба у неё глумливая, даёт и тут же сулитя отобрать?! 'Батюшка, родненький, ты же сам говорил — живучий, выживи, ты только выживи! Я хоть за Яра, хоть за самого чёрного духа пойду, только не умирай теперь!!'

Вскоре впереди забрезжил слабый свет. Лиита оказалась в густо заросшем лопухами овраге. Поднялась наверх, прислушалась — крики стали дальше, но не стихли. Схватка продолжается... В ёлки не полезла, села на ближайший поваленный ствол и спрятала голову в колени.

...Когда эхо донесло знакомый рёв — она уж знала, отцовский — вскочила на ноги. Не её ли зовёт? А потом рёв резко оборвался, и девушку окружила звенящая лесная тишина. Она рванулась обратно, забыв и про тяжёлый короб за спиной, и про жестоких к разбойникам княжых солдат. Кто победил, они или батюшка?

Поляна. Дом. Вокруг него, на земле — недвижные груды тел в разномастной одежде. В форме — ни одного. С другой стороны дома какое-то движение... Кто?? Прячась за кустами, Лита осторожно обогнула поляну. Сняла и поставила на землю короб, набралась смелости и выглянула из-за толстого ствола.

Одновременно с этим мужчина в форме кинул горящий факел в ближайшее окно. А где?.. Узнала, по могучей фигуре и той самой меховой безрукавке. Гиор лежал неподалёку от крыльца. Такой же неподвижный, как и все его товарищи.

Нет... Нет! Так не должно быть! Это неправильно, нечестно!!

Она стремглав сорвалась с места. Возле уха чиркнула, рассекая воздух, стрела, но девушка её даже не заметила.

— Батюшка!!

— Лита?

Удивлённый голос кажется таким знакомым... На бегу повернула голову — и невольно остановилась, будто споткнувшись. Яр!

Залитый кровью с ног до головы. Чужой и своей — она сочится из раны на бедре и стекает в сапог. Вся левая половина лица в крови, но само лицо, утомлённое, с остатками боевой злости, почему-то кажется ей безумно красивым. Наверное, так нарисовали бы неумолимого духа смерти: один взгляд, один взмах мечом — и всё...

Где-то за его спиной слабо зашевелился разбойник в меховой безрукавке. Ярам отреагировал мгновенно.

— Нет!!

Подлетела, не замечая протянутую руку, не замечая больше ничего. Упала на колени — и успела поймать последний вздох. Последнего на этой земле родного человека...

— Что ты делаешь, отойди от него!

Ярам, сильно припадая на раненую ногу, приблизился к застывшей девушке. Она подняла глаза — и он, только что положивший целую шайку, невольно отшатнулся.

— Это был... мой отец.

— Лита! Как хорошо, что мы вовремя успели! — радостный оруженосец с небрежно замотанным плечом поспешил к ним. — Они тебе ничего не сделали? Не бойся, больше они...

Осёкся.

— Что случилось?

— Как он может?..

Ответила Яру, медленно, с трудом выталкивая из себя слова.

— На свете много странного, правда? И то, что ты нашёл меня — даже здесь, в самой чаще. И то, что именно здесь я случайно встретила своего отца, которого считала давно погибшим. Чудо, продлившееся всего несколько часов... Благодаря тебе.

— Лита!

— Не говори больше ничего, Ярам. Разве не понял ещё — разные у нас пути. Вместе только горе нас ждёт. Ты не виноват в том, что случилось. Видно, судьба такая... Забудь меня, прошу. И возвращайся домой.

— Нет! Лита...

Она лишь головой качнула — и даже не вздрогнула, когда Яр сжал её в объятиях.

— Не могу тебя отпустить, не могу...

Девушка отстранённо улыбнулась, подняла голову и легонько коснулась солёных от засохшей крови губ. Он замер.

— Прости, Яр. Хочешь меня удержать — твой меч рядом. Живая я не останусь.

Дрогнули руки — и опустились бессильно. Лицо почти белое... сколько же крови он потерял?! Лиита встала на ноги и оторвала от подола рубашки две широкие полосы. Обернулась к Рину:

— перевяжешь?

Кивнул.

— Я их всех в дом перетащу. Огонь уж занялся, будет им братская могила.

— Спасибо тебе...

Оторвала третий кусок.

— На твоё плечо. Пойду я, Рин.

— Куда? Одна по лесу...

Улыбнулась снова потухшими глазами:

— Теперь мне здесь больше некого бояться.

Поклонилась и медленно пошла к оставленному коробу. И, пока не скрылась за деревьями, чувствовала на себе обжигающий, тяжёлый, как та чугунная плита, взгляд. С каждым её шагом — боль, боль, боль... И лютая звериная тоска.

Глава 5 'А зачем?'

'Тени совсем низко... Вечер скоро...'

Первая отвлечённая мысль за... сколько часов? Может, два, может, и все пять...

Лита шла и шла вперёд, не замечая того, куда идёт. Не замечая усталости, жажды, стёртого до крови плеча — на одном ремне подушечка оторвалась. И всё это время — бесконечные, горькие как полынь, думы. 'Зачем?', 'а если бы...', 'одна я во всем виновата...'. Хотя к чему теперь казнить? Поздно. Произошедшего не воротишь, день заново не переживёшь. Судьбе было угодно, чтоб вечернюю зарю встретила лишь она, одна из двенадцати. Ведьма, приносящая другим уже не мелкие неприятности — смерть. Почему она, а не бабушка, почему?? Какой смысл в её жизни?!

— Дяденька... Дяденька, подождите!

Резко обернулась — не на голос, а на настойчивый стук по коробу.

— Вы что, не слы... Ой. Вы не дяденька?

Тут Лиита всё же удивилась. Откуда в лесу ребёнок? Девочка, лет восьми, в добротном, даже богатом платье, с расшитой разноцветным бисером сумкой через плечо, но почему?то босая. Взгляд облегчённый, но видно — сейчас расплачется. И верно, разревелась, доверчиво обхватив её за пояс.

— Заблудилась, малуша? Ничего, не плачь, вместе мы дорогу сыщем. До дому тебя доведу... Не плачь.

Усадила на траву, дала напиток из фляги и сама попила, потом глянула на детские ножки — и едва не ахнула.

— Как же ты их так стёрла?!

Девочка смущённо потупилась.

— А я сначала в туфельках шла... Потом больно стало, и я их выбросила. Так полегче, но всё равно больно...

— Эх, ты, горе луковое! Кто ж в лес в туфельках идёт?

— А в чём надо, в лаптях, что ли?!

Лита невольно улыбнулась — и почувствовала, что острая ноющая боль в груди потихоньку отступает. Вот и ответ на вопрос 'зачем'...

Рукава многострадальной рубашки пошли на самодельные чуни для девочки. Пока заматывала, велела рассказывать, почему та оказалась в лесу совсем одна. Боялась, что услышит об убитых разбойниками родителях или злой мачехе, выгнавшей из дома, но всё оказалось просто и даже почти смешно. Единственная дочка состоятельного купца, Фаня после смерти матери ни в чём не знала отказа. Самая лучшая одежда, дорогие безделушки, редкие цветы и живые 'игрушки' для собственного зверинца — у неё было всё, о чём сама Лиита в таком возрасте и мечтать не смела. А Фане мало. Хотелось ещё чего?нибудь 'этакого', чудесного... И вот, прочитала ей недавно нянька сказку одну, про жар — птицу, что живёт в дремучем — предремучем лесу. Нарочно от людей подальше, чтоб не поймали, не заставили себе служить. Потому что тому, кто её изловит, она три желанья исполнит и перо своё самоцветное на память оставит. Перо то расчудесное, всеми цветами радуги переливается и чуть не до слёз глаза слепит. Ни у кого такого нет... А у неё будет!

Каково же было возмущение Фани, когда и нянька, и отец на её просьбы поймать жар — птицу всё отмахивались: это, мол, всего лишь сказка, на самом деле такой птицы сроду не бывало. Как же так?! Сами же поучали — 'сказка — ложь, да в ней намёк...' Намёк — яснее некуда, дремучий лес у них под боком, иди себе да лови! Но все уговоры так и окончились ничем. Тогда Фаня подумала и решила всем назло сама в лес пойти. Найти жар — птицу и вернуться домой с её волшебным пёрышком. Даже два желанья заранее придумала, чтоб не мешкать и успеть вернуться, пока её не хватились.

— И что это за желанья?

— Хочу, когда вырасту, за князя замуж пойти!

— Ого, ничего себе! А зачем? Ну, он, конечно, человек очень богатый, но ведь немолодой уже. А через десять лет ещё старше станет.

— Ну, тогда за его сына!

Лита невольно фыркнула.

— Ты вроде не маленькая, а таких простых вещей не знаешь. Нету у нашего князя сына, только дочки, целых четверо. Остаются тебе соседские князья, среди них, может, и сыщутся молодые да неженатые, только я о таких не слышала.

— Нет уж, далеко от дома я замуж не хочу. Батюшка без меня затоскует...

— А второе какое желание?

Девочка вздохнула, глядя в землю.

— А второе, вернее, первое — маму хочу вернуть. Она у меня ласковая была, добрая, мы с батюшкой оба по ней скучаем.

— Эх, кабы и мне жар — птицу встретить...

Фаня понятиливо кивнула.

— Если б встретили, я бы тебе третье желание уступила.

— Спасибо, малуша... Но знаешь — нет в этом лесу никакой волшебной птицы. Я по нему долго плутала, пока на дорогу не вышла. Птиц видела — не счесть, а ещё зайцев и даже олениху с оленёнком. А её — нет.

— Значит, это был другой дремучий лес, не наш, — рассудила девочка. — Сказать по правде, я уж и птицы никакой не хочу, хочу домой поскорее. Батюшка, должно быть, меня хватил, волнуется. Только сколько ещё до дому идти? Вечереет уж, скоро волки проснутся и начнут рыскать, добычу себе вынюхивать... Боюсь я. И устала, и есть хочу...

Лиита порылась в своём коробе и вручила бедолаге единственное, что у неё сейчас было — кусок сухого чёрного хлеба. Да и он только чудом завалялся.

— Ой, а белой булочки у тебя нету?

Делать нечего — взяла. И, как ни странно, умяла весь кусок в два счёта.

— Вот чудно, у всех чёрный хлеб невкусный, а у тебя — вкусный!

Девушка на это лишь улыбнулась. И велела вставать.

— А то и в самом деле здесь ночевать придётся...

Её надежды оправдались — изнеженный ребёнок и в самом деле ушёл не слишком далеко от края леса. Ещё час, и они уже выбрались на опушку, дальше Фаня вела сама. До деревни, а в ней — до самого богатого и красивого дома. И Литу зайти упросила: тебе, мол, всё равно ночевать негде, переночуешь у нас, батюшка добрый, только рад будет!

Насчёт последнего Лиита была крайне не уверена. Вид у неё сейчас — чучело огородное краше! То ли девка, то ли парень, грязная, от рубахи едва ли не половина осталась...

Но, к счастью, она ошиблась. Узнав, что именно она вывела из леса блудного ребёнка, почтенный Ерох едва ли не с поклоном проводил 'дорогую гостью' до свободной комнаты. Распорядился о бане и чистой одежде, пообещал накормить до отвала... Вот же, есть, оказывается, купцы — не чета Хтару и Мадиному Пупыре! Отзывчивые.

В бане Лита всю свою одежду постирала, сушиться повесила — глядишь, к завтраму и просохнет. Принесённое работницей платье оказалось великовато, но смотрелось дорого; она даже забоялась надевать, вдруг испачкает ненароком. Однако пришлось — сказали, хозяин сам велел дать ей одно из тех, что от жены — покойницы остались. А волю хозяина надобно

уважить...

К ужину девушка вышла едва ли не последней. За большим столом уже собрались все домочадцы: сам Ерох, его старушка — мать, напомнившая Лите бабу Юву, младшая сестра — вдовица с сыновьями, престарелый дядька покойной жены, няня мальчишек, няня Фани... И, конечно, сама девочка.

— Лит, садись рядом со мной!

Поклонилась, села. Купец дал гостье как следует утолить голод и лишь потом стал расспрашивать — как она встретила его глупую своевольную дочку (Фаня на это только фыркнула) и почему сама оказалась в лесу. Лукавить Лиита не стала, поведала, что направляется в Соколиный, не захотела идти в обход и в итоге поплатилась за своё легкомыслие — оказалась в плену у разбойников. Повезло, что в этот же день их логово обнаружили князьи солдаты; во время схватки она улучила минутку и сбежала. Слушая рассказ, женщины то и дело испуганно ахали, а Ерох бросал выразительные взгляды на Фаню — смотри, мол, дурёха, и ты ведь могла на её месте оказаться. Та, похоже, призадумалась, в кой?то веки...

После ужина Ерох попросил у Литы разрешения поговорить с ней с глазу на глаз. Кто ж хозяину перечить станет? Согласилась. Но, как выяснилось, интересовала его не возможная сглазливость гостьи. Как ни странно, за столом словно бы никто и не заметил её необычной внешности. Наоборот, с ней были ласковы, улыбались, уверили, что платьё ей к лицу и сама она красавица. И ни одного тайного знака, отводящего порчу... Редко таких людей встретишь.

— Не видала ли ты часом среди разбойников главаря ихнего, что у нас Робягутом прозвали? Как он, жив ли? Он среди всех выделяется, такой...

— Знаю, о ком говорите, — сникла девушка. Отступившая ненадолго тоска снова накрыла с головой, сжала сердце тесным железным обручем. — Видала всё... Убили его солдаты. И дом их сожгли.

Тут Ерох снова её удивил. Вместо ожидаемого 'так и надо лиходеям!', вздохнул тяжело.

— Жаль... Хороший мужик был.

— Неужто вы с ним знали? Он же...

— Да знаю. И что ж с того? Зато поговорить с ним было одно удовольствие. Неглупый он был, повидал много. Грабил — да, но не лютовал, как другие, жизнь чело­вечью ценил, слабых в обиду не давал. Мы с ним на свой лад дружили даже... Да ты, верно, не поймёшь.

— Почему ж, как раз я и пойму...

Рука стиснула на груди мамины бусы, и взгляд купца поневоле переместился вослед.

— Так ты его дочка?!

Не думала Лита, что отец кому?то рассказывал так подробно про свою жизнь. А сейчас это только на руку оказалось: Ерох метнулся в другую комнату и торжественно вручил ей увесистый кошель серебра. Гиор?де оставлял у него на сохранение, значит, он теперь её. Лиита даже растерялась — столько денег разом она за всю жизнь ещё не видала. Пробовала отказаться — и слушать не захотел. Заодно вспомнила и про всученный отцом перед побегом

мешочек, развязала и ахнула — самоцветы! Ерох камнями полюбовался и уверил, что стоят они дорого, потому как все до единого крупные и чистого окраса.

— Коль сбережешь их, приданое у тебя выйдет почти дворянское. На эти самоцветы два таких дома, как мой, купить можно, и ещё деньги останутся. Ты, главное, молчи про них, а то живо обчистят, хорошо, ежели жизни не лишат... Рад я за тебя, Лита. Хоть и поздно, но нашёл? таки тебя Гиор, и доброе дело сделать успел. Жаль мне его, жаль... скучнее без него станет...

Засиделись они с хозяином допоздна. Лита рассказала всю свою историю без утайки, и деликатный Ерох ни разу не сказал в сердцах 'глупая девка!', только головой качал. Выпил за друга клюквенной браги — чтоб память о нём на этом свете осталась, а на том жилось привольно и радостно. Гости тоже налил, и девушка добрый глоток отхлебнула, за батюшку. Ух, и кашляла потом, хозяину пришлось самому за водой бежать и по спине хлопать.

Легла Лиита поздно и, как следствие, встала не с петухами. Оделась, вышла из комнаты — и сразу же окунулась в царящую в доме суету. Первой на неё налетела Фаня:

— Ты не представляешь, что случилось!! Поутру к нам мой жених приехал!

— Сам князь, что ли? — не поняла девушка.

— Да нужен мне князь, как кошке баня! Он такой красивый — ты просто на месте обомрешь! Пойдём, покажу!

— А сам?то жених знает, что ему такое счастье выпало? — со смешком поинтересовалась Лита.

— Пока нет, но это неважно, — отмахнулась девочка. — Батюшка его в дальнюю комнату определил, что с отдельным входом, им так удобнее. Он спит сейчас. Беденький мой, совсем обессиленный, едва на коне держался... За лекарем уж послали, а его, как на грех, где?то леший носит, говорят уехал вечером в соседнее село к...

Лиита не успела ничего понять из её возбуждённой трескотни, как они уже пришли.

— Я сейчас дверь потихонечку приоткрою, и ты глянешь. Говорю — красивый, аж сердце заходится. Хоть израненный весь, и на щеке такая кровавая полоска... Ну ничего, мы его выходим!

Сердце действительно зашло, едва Лита разглядела размётанные по подушке длинные тёмные волосы. В их обрамлении лицо спящего мужчины казалось почти белым.

— Яр...

— Вы что, встречались раньше? — тут же насторожилась самоназванная невеста. — Ты его знаешь?

— Немного знаю...

Лита прислонилась к стене, тщетно пытаясь справиться с волнением. Странное дело — страха на сей раз не было вовсе. А было... Что?

— Неужто совсем плох?

— Да не знаю я! Оруженосец его батюшке сказывал, что раны у него всё закрыться не могут, гноиться начали. Должно быть, у разбойников оружие грязное было, вот и занесли какую?то...

Дальше он такое мудрёное слово сказал, что я не поняла ничего. А нянька моя вся покраснела, и...

— Лита?

Обернулись разом.

— Здравствуй, Рин. Не думала я так скоро с тобой увидеться.

— И я не думал... Ты к Яру заходила?

— В дверях только постояла...

— Тогда пойдём!

Он взял девушку за руку и решительно потянул обратно к двери.

— Не бойся, спит он крепко, не проснётся. И так из последних сил доехал...

— И я с вами!

— А тебе нельзя, маленькая ещё.

— Вот уж, дудки! — надулась Фаня. — Мне к моему жениху завсегда можно!

Рин обернулся и глянул на неё так, что девочка невольно попятилась.

— Сейчас не время для глупостей, ясно тебе?? Вот поправится он — тогда и обрадуй, да погляжу я, что он тебе на это ответят. А пока под ногами не мешайся!

Она неохотно послушалась, но в отместку показала в спину парню язык.

— Тебе просто завидно, что я не в тебя влюбилась! А на что льститься?то? Ни рожи, ни кожи, волосы как солома и весь нос в веснушках, фу!

Фаня гордо удалилась, а Лиита едва удержала неуместный смех. Вот же маленькая язва!

Самого Рина эти слова неожиданно задели. Нахмурился, засопел, как сердитый ёжик, губы поджал... Глупый, неужели не понимает, что не во внешней красоте дело? Да, в таких, как Ярам, влюбляются чаще — всякие легкомысленные трещотки, но ведь по — настоящему любят за другое. Рин хороший парень и достоин того, чтоб его полюбила хорошая девушка. Тогда и не вспомнит он про сегодняшние злые слова, не жить — летать будет. И мир тогда совсем другим покажется, разноцветным и сияющим, как перо сказочной жар — птицы... Так матушка сказывала.

Посидели молча. Рин — на лавке у окна, Лита — на краешке кровати. Взгляд то и дело останавливался на усталом, беспокойном лице раненого. Ввалившиеся щёки, на левой — воспалённая отметина от вчерашнего боя. Шутка ли, двоим двенадцать человек положить... А они смогли. И потом ещё по темноте лошадей своих искали и из леса выбирались. Тяжело пришлось. Рин пободрее выглядит, да и рукой уже всю шевелит. А Яр? Сможет ли вернуться на княжескую службу, или?..

Думать о плохом не хотелось. Как бы то ни было, зла Лиита ему не желала. Наоборот... Где ж и в самом деле лекар??

Рин легонько коснулся её рукава и показал глазами на свою лавку. Помолчал, собираясь с духом, уставился взглядом в стену и выдавил:

— Знаешь... Хотел тебе сказать, да не успел вчера. Это ведь я во всём виноват, не он. Мы совсем в другую сторону повернули. А ночью мне сон приснился: что ты лежишь в какой-то избе посреди леса, верёвками обмотанная, а над тобой рожи разбойничьи склонились, разглядывают, ухмыляются и обсуждают, что они с тобой сделают. Так ярко это было, будто и не сон вовсе... И тут Яр меня за плечо затряс, спрашивает, что ты так разорался, ну я спросонья и рассказал ему всё. А через десять минут мы уже неслись обратно. Он вообще-то ни в приметы, ни в сны не верит, но тут словно толкал его кто. Коней наших чуть не уморил... А если б я промолчал тогда, ничего бы этого не было. Понимаешь теперь? Разбойники ведь тебя не тронули?

— Хотели, да не успели, отец помешал.

— Сильно напугалась?

— Сильно. Сама я в том виновата, Рин. Не ты, не Ярам. Потому и винить вас не буду, скорей это мне у вас прощенья просить надо. А если он?..

Голос дрогнул, и руки оруженосца осторожно обняли, прислонив щекой к тёплому надёжному плечу. Не больному ли часом?

— Нет, Лита, Яр не умрёт. Не тот он человек, чтоб из-за таких царапин умирать. И похуже бывало... Выберется. Только вот, боюсь, не покривел бы лицом... время-то уходит.

Девушка чуть отстранилась от повлажневшей рубахи, снова взглянула на спящего — и едва удержалась, чтобы не броситься к нему, покрывая поцелуями израненную щеку. Что с ней такое??

— Рин, я такая глупая... Забыла совсем, что вчера, когда вещи свои перебирала, нашла коробочку с маминой мазью. Её даже разбойники не тронули, пахучая больно... Но раны мигом заживляет! Сейчас принесу!

Вихрем вылетела из комнаты и почти тут же вернулась.

— Только ты сам намажь, когда я уйду. Неловко мне. И ногу тоже.

— Ногу не буду, у тебя её и так мало.

— И что? Это вам, насовсем. Я потом новую сделаю, я умею. Может, ещё не поздно вытянуть эту заразу!

— А если поздно? И Яр больше никогда не будет таким красивым, как прежде?

— Для меня в том нет разницы...

— Для меня тоже! — громким шёпотом заявила Фаня, просовывая голову в дверь. — Я за него хоть за страшного, хоть за безногого пойду!

— Подслушиваешь, малявка?! — рассердился Рин. — Да он на тебя и не посмотрит даже!

— Из-за Литы? Ну и зря! А она, между прочим, за моего батюшку замуж собирается. Вчера с ним полночи наедине в комнате просидела! Нянька говорила, что они вместе брагу пили и...

Ой!

Бамс! Кованый мужской сапог со стуком ударился о косяк совсем рядом с её головой. Дверь захлопнулась, и Ярам, тяжело дыша, повалился обратно на подушку.

— Что за противный ребёнок... Нету сил её слушать...

Он не спал! И как долго?!

Лита подхватила с лавки, но Рин мягко удержал её за руку.

— Побудь с ним немного. Пожалуйста...

Ярам молчал. От его взгляда у девушки тут же предательски запылало лицо, а ноги стали словно ватные. Села обратно.

Рин вышел за дверь, сказав, что постоит в коридоре, покараулит 'от всяких'.

Молчание затянулось... А потом Лита и сама не заметила, как снова оказалась на краешке кровати. Как робко коснулась лежащей поверх одеяла большой смугловатой руки, погладила прохладную, чуть шершавую кожу.

— Прости меня, Яр.

Качнул головой, не принимая. Не прощение — вину. Вторая рука медленно и осторожно провела по её виску, щеке, мимолётно скользнув по шее, спустилась к плечу. Запёкшиеся губы дрогнули в улыбке — невесёлой, горькой.

— Остайся на день. О большем не прошу.

Лиита кивнула и, поддавшись порыву, склонилась к нему и тронула губами воспалённую корку.

— Чего удумала! Мало ли там зараза какая?!

Тон нарочито недовольный, но близкие глаза вмиг засияли — словно звёзды в небе зажглись.

Тук, тук!

— Хозяин приехал, спрашивает, можно ль зайти?

— Конечно! Эх...

Лиита чуть улыбнулась и поскорее пересела обратно на лавку.

Ерох приехал не один — привёз лекаря из соседнего села, отрекомендовал как более толкового, чем ихний, и оставил раненого, наказав обращаться, если им что-то понадобится. Лита тоже вышла, и, смущаясь, попросила разрешить ей остаться в его доме до завтрашнего утра. Купец на это лишь понимающе хмыкнул в бороду.

— Ты не голодная? Пойдём?ка поедим, а после побеседуем.

Зазвав девушку к себе в комнату, Ерох не стал расспрашивать её о причине задержки — и так всё понял. Приступил сразу к делу: торжественно вручил в подарок большие неровные бусы из крашеного дерева, настолько аляповатые и грубые, что на них бы даже нищий не польстился.

Получил вежливое 'спасибо' и довольно рассмеялся.

— А теперь погляди?ка на фокус!

Надавил на два противоположных конца бусины — и деревяшка бесшумно приоткрылась.

— И так в каждой!

— А зачем?

— А ты подумай.

Лита покусала губу и тоже засмеялась.

— Для самоцветов?

— Для них, родимых! Ну что, хороший фокус?

— Да!!

— Дерево это крепкое, и под сапогом не расколется. Так что, надеюсь, хоть камни свои ты сбережёшь. С деньгами же я вот что надумал...

Лита и не подозревала, что в каждом мало — мальски крупном городе существуют такие ссудные лавки, хозяева которых 'одним людям деньги дают, забирая взамен драгоценности, корову или иное имущество с возможностью выкупить их обратно, а другие люди сами им деньги дают, на хранение да приумножение. Процент за это ссудники берут небольшой, зато получить своё золото — серебро обратно можно в любой момент и даже в другом городе'.

— Скажем, отдашь отцов кошель у нас, а получишь хоть в Соколином, хоть и в самой столице. Всё сразу или частями, как захочешь.

— А как же там меня узнают, ссудник?то там другой!

— Другой. А узнает по метке специальной, она на каждую сумму своя. Сама меточка маленькая, с таким оттиском, что никто пока подделать не смог. Ты её или в бусину спрячь, или в тряпки свои как следует закопай, никто и не сыщет...

Тут хозяин стукнул себя по лбу и засмеялся.

— Вот я старый пень! Вещаю тут, забиваю твою голову разными хитростями, а нужны ль они тебе нынче? С таким?то защитником?

Лита в ответ не улыбнулась, кивнула твёрдо.

— Нужны.

— А за...

Тут в дверь постучали, и нянька втащила в комнату упирающуюся Фаню.

— Вот, почтенный Ерох, до чего твоя дочка опустилась! Застала я её с ножницами рядом с твоим, Лита, коробом. Не поверите, что делала, бесстыжая!

— Что же? — посуровел голосом отец.

— Платье еёное единственное уродовала! Чуть не на лоскутки порезала! А там такие бабочки красивые были...

В установившейся тишине Ерох от стыда за дочь схватился за сердце. Потом, продышавшись — за ремень. Лиита тронула его за руку.

— Не надо! Ничего страшного, я другое вышью...

— А я тебе и другое порежу! Пусть ты даже и мачехой моей станешь! А Ярама тебе не отдам, так и знай, мой он, мой!

Ни девушка, ни няня не заметили, как обе оказались за дверью. Громыкнула, запираясь, щеколда, а через миг к разъярённому рыку купца присоединился тонкий визг его злопамятной дочки.

— Ой, зачем же так... Она же глупая ещё, несмышлёная!

Женщина только отмахнулась.

— Не знаешь ты её просто... Несмышлёная! В каких-то вещах и побольше нашего соображает. Говорила я Ероху, избалуешь — потом наплачешься. И вот результат! Так что не жалей Фаньку, хорошая порка ей только на пользу будет. А то только и знает 'мне' да 'мне', о других не думает... Пойдём.

Лита со вздохом послушалась.

В ссудную лавку хозяин свозил свою гостью лично, проследил, чтоб всё было чин чином: деньги тщательно пересчитаны и выдана соответственная метка. Она здорово напоминала обычную пуговицу, только без дырочек, гладкая, на тёмном фоне неяркий, но затейливый серебристый узор. Лита убрала её подальше и решила сразу по приезде положить в подаренные бусы, а то ещё потеряет. О поступке Фани Ерох не вспоминал, и девушка не решилась спросить, как она себя чувствует. Не надо ли срочно готовить матушкину мазь?

В доме она сразу же столкнулась с Рином. Небось, в окошко их углядел.

— Зайдёшь? А то мы уже соскучились.

— А Яр не спит?

— Нет. Говорит, на неделю вперёд выдрыхся...

— Сейчас, только работу возьму.

А что? Не просто же так расслаживаться. Может, удастся любимое платье починить. В неумелых Фаниных руках даже ножницы не так страшны оказались. Конечно, на улицу в таком выходить уж неприлично будет, но хоть дома поносит.

— Пришла всё?таки...

— Я же обещала. Тебе лучше?

— И намного. Лекарь здешний толковый мужик, прочистил всё, и мазь твою, кстати, очень

хвалил. Велел, правда, злодей, ещё пару дней в кровати провести.

— Так и правильно.

— Какая разница... Ты ведь не останешься.

Лита на это ничего не ответила и, чувствуя на себе его взгляд, ниже склонилась над изрезанным платьем.

Тихо скрипнула дверь — это вышел Рин. Как хорошо, что на этот раз она сразу села на лавку, поближе к свету, подальше от того, кто уже не кажется таким беспомощным.

— Красивые у тебя бабочки, — помолчав, сказал Яр. — У меня такие когда-то мать вышивала. И ещё всякие цветы, птиц... А сестра раз вышила целую картину. Она у меня дома, в Ясеновом, до сих пор сохранилась. Там небо с облаками, солнце в море садится, а по волнам большой корабль плывёт. С капитаном у штурвала и дозорным на мачте... Два месяца она её тайно вышивала, а потом мне подарила. Я был счастлив.

— Немудрено, — улыбнулась девушка. — Я бы, наверное, целую картину и не осилила. Твоя сестра в столице, поди, первая мастерица, самих княжон обшивает?

Ярам ответил не сразу. Подняв глаза, Лита увидела, что он уже не улыбается: лицо словно затвердело, вокруг рта залегли горькие складки.

— Была бы первой, коли не погибла б тогда со всеми. Давно то случилось, а до сих пор на сердце камень. Я тогда уже у князя служил, не сотником, конечно. Задержали меня, не смог к началу сестриной свадьбы приехать. Опоздал... Поэтому и жив остался. У нас в доме тогда чуть не вся деревня собралась. Родители небедные были и щедрые. А в самый разгар свадьбы... Я?то за своими делами и не знал, что у Верушки до этого жениха другой ухажёр был. Да непростой, иноземный, из самого Хорь — града.

— Это... где, говорят, преступные злые колдуны живут?

— Да. Слухи чистой правдой оказались. Легкомысленная Верушка полюбила другого и колдуну отказала. А он не простил. Улучил момент, когда молодые со всеми гостями в доме были, запечатал колдовством все выходы. И пустил огненный шар... Никто не спасся.

Лита отбросила иголку и переметнулась на кровать. Ткнулась лбом в плечо сидящего мужчины, обняла, насколько рук хватило. Яр обнял её в ответ, но не как раньше — крепко, до боли, а бережно, будто она была дорогой стеклянной чашкой.

— Того колдуна так и не нашли?

— Почему? Мне тогда сам князь помог. Его ведь у нас многие видели, вот и указали на след. Хоть силён был колдун и, убегая, петлял, как заяц, но всё ж нам удалось его догнать, почти у самой границы. Знаешь, Лита, это был единственный случай в моей жизни, когда я не погнушался прикончить спящего. Иначе б не одолел... И не жалею о том.

— Вот и правильно... А что дальше было?

— Да ничего интересного. Вернулся я на службу к князю, старался, как мог, в благодарность за его помощь. Достарался вот до сотника.

— А главное тебя кто?то есть? Ну, тысячник, да?

— В военное время — да. Один старый воевода, князева отца ровесник... Глухой как тетерев, — наконец?то улыбнулся Яр. — Но войны у нас, хвала стихиям, уж тридцать лет нет, и не предвидится пока. Так что я князю нужнее. Мои молодцы и терем его охраняют, и самого, когда он куда по делам едет, сопровождают, и к дочкам его охранителями приставлены.

— Справляются?

— Ещё как! Я их хорошо выучил. Хоть осечки всё ж иногда случаются. Ну что, хочешь, расскажу тебе страшную тайну?

— Хочу!

— Случилось это где?то год назад. Может, слышала, что княжну Лазору на базаре похитить попытались? Так вот, как после выяснилось, это она сама всё и устроила. Познакомилась на каком?то приёме с богатым купцом из Яблоновки, позвал он её замуж, она и согласилась. Да только отец, конечно, не отдал, у него дочери чуть не с рождения все просватаны. Вот и надумала Лазоря сбежать с ним, тайно ритуал совершить. Тогда, найди их князь, ничего уж изменить бы не смог. Даже если б мужа в гневе порешил, наречённый сам бы потом не взял её за себя. Ну, понимаешь, да? В общем, подготовилась девица хорошо, она ведь среди княжон самая толковая. Охранителей своих кого отвлекла, кого с поручением услала, зашла в женскую лавку — да и не вышла, как в воду канула! Я тогда быстро на переполох примчался, весь базар пришлось оцепить. А там народу — словно блох на собаке! Смекнул я, что Лазоря, если и тут ещё, наверняка переделалась, да так, что княжну в ней ни за что не признаешь. Не раздевать же всех поголовно! И тут вспомнил я про её любимую собачку. Привезли её... И верно, нашла она хозяйку в два счёта, с радостным визгом к ней кинулась. Вернее, не к ней, а к сгорбленному старику в лохмотьях. Представляешь, какие у всех сделались лица!

— Представляю! — засмеялась Лита. — Вот что любовь?то делает, чтоб сама княжна и так изуродоваться не побрезговала! Только ведь не помогло это, да? — вздохнула. — Очень на неё отец прогневался? А купцу тому что сделал?

— Да ничего, — пожал плечами Яр. — Велел ехать к себе в Яблоновку и до замужества Лазори в столице не появляться. А дочку в тот же год замуж выдал. Да не вздыхай ты так! Видно, сама судьба не дала ей обмануться. Мужа Лазоря крепко полюбила, и он её, живут они дружно, остальным сёстрам на зависть. Не каждой так повезёт. И не каждому...

Пристальный взгляд в глаза — и Лита вспыхнула, вспомнив, где находится. Так близко к сидящему среди подушек мужчине в тонкой исподней рубашке, в его комнате, одна... И это уже не пугало, а вызывало какие?то другие, малопонятные чувства. Сердце под его взглядом то колотится как безумное, то сладко замирает — непривычно, волнительно... и почему?то даже приятно. Особенно когда он медленно и ласково проводит по её волосам, чуть касаясь порозовевшего ушка, гладит по руке, от кончиков пальцев до плеча, будто забывшись, ведёт выше по открытой шее...

— Что мне делать, Литушка? Когда судьбу свою повстречал, а как удержать — не знаю. Как та сказочная жар — птица, слепит и манит, а в руки не даётся, боится, что обидят её. Не бойся, не улетай от меня больше, Литушка, останься...

Туманят слова, туманят прикосновения. Руки, губы... Лиита словно во сне, околдованная нежностью и страстью влюблённого мужчины. Всё становится неважно — только он. Его шёпот, его поцелуи...

Бах — бабах!! Раздавшийся за окном грохот был таким оглушительным, что Лита аж подскочила. И пришла в себя. Отодвинулась от Яра, а потом и вовсе встала на ноги. Он попробовал удержать, но, чувствуя её напряжение, не решился настаивать.

— Уже уходишь?

— Да... Засиделась я, дел ещё много.

— Вещи собрать?

— С Фаней потолковать, — ушла от ответа девушка. — Хочу узнать, как она, и что себе надумала.

— А про тебя и купца... набрехала, да? — всё же не удержался от вопроса Ярам.

— Не набрехала. Мы с ним батюшку моего поминали, они с ним друзья оказались...

— Ясно, прости.

— Да ничего...

— Ещё придёшь?

— Вечером загляну, ненадолго.

Проводив её глазами, Яр с долгим вздохом откинулся на подушки. Скрипнула дверь, пропуская оруженосца.

— Что там во дворе грохнуло так не вовремя?

— Дак... сундук с медными тарелками с телеги упал.

— Сам упал?

Парень отвернулся к окну и засопел.

— Ну, не сам. Надо же было чем-то заняться, пока вы... Вот я и подрядился помочь.

— Сундук такой тяжёлый, или руки — крюки? — ехидно уточнил Яр.

— И то, и то. Схватил, а плечо-то не зажило как следует, вот мы и кувыркнулись...

— Эх, ты! Денег-то хватит, с купцом за ущерб рассчитаться?

— Да не побилось ничего, посуда-то медная. Разве что пара блюд погнулись маленько, так я их втихаря уже выпрямил кулаком.

Ярам устало усмехнулся и прикрыл глаза.

Фаня нашла Литу сама. Пришла к ней в комнату, встала в уголочке, понаблюдала, как гостья закончила зашивать порезанное ею платье и с довольной улыбкой спрятала его в короб.

— А я так вышивать не умею...

— А хочешь научиться?

— Да!

— Хорошо, тогда носи скорей свои пальцы и нитки, я тебя поучу, только недолго.

Девочку как ветром сдуло. Нитки у неё оказались дорогие да красивые, а вот сами вышивки... м — да. Ну ничего, Лите было не привыкать учить младших, в деревне к ней часто обращались. Сидеть Фане до сих пор было больно — рука у отца тяжёлая оказалась, но Лита догадалась подложить на лавку подушку — и урок начался. Показала и как бабочку разноцветную вышить, и даже перо 'жар — птицы' — то самое, что в зверинце углядела. Ученица ради такого чуда прилежно два часа на одном месте отсидела, невиданное дело.

Уже прощаясь, поблагодарила и извинилась за платье. И даже со вздохом разрешила выйти замуж за Яра.

— Подслушала я у окошка, как вы с ним разговаривали... Немного совсем. Но и с того ясно мне, что любит он тебя. А, значит, меня не дождётся.

— Не грусти, Фаня. У тебя жених ещё лучше будет. Ты только не торопись, не обгоняй время. Всему свой срок.

— Угу... А зачем ты вещи собираешь? Ярам у нас ещё два дня пробудет, и тебя никто не гонит.

— Я сама себя гоню, — рассеянно улыбнулась Лиита.

— А зачем?

Задумалась. Простой вопрос — а ответить даже себе трудно.

— Хочу новый город посмотреть, в душу он мне запал. И найти там одну девушку и её бабушку, узнать, всё ли с ними хорошо.

— И только?? Неужто это главное Яра? — изумилась Фаня. — А если он тут без тебя совсем зачахнет?

— Не зачахнет, он сильный. Не спрашивай меня больше, не знаю я. Так решила — коль он и вправду моя судьба, встретимся ещё с ним. Тогда уж больше убежать не стану, терзать его почём зря. А если нет — что ж...

— Встретитесь, конечно, — убеждённо сказала девочка. — Он?то точно знает, что ты его судьба. А вот ты сомневаешься почему?то. Неужто сердце не подсказывает? Нянька говорит, сердце первой самого человека правду знает, не обманешь его...

— А я — не знаю, — ещё горше вздохнула Лита. — Или сердце у меня такое бестолковое, или его и вовсе нет. И любить я просто не умею.

Фаня снисходительно похлопала её по руке.

— Вот ужо Яр тебя догонит — научит, не сомневайся.

И откуда у ребёнка столько взрослого ехидства?

Лита зря опасалась, что Ярам будет уговаривать её остаться. Смирился, понял, что бесполезно пытаться удержать 'жар — птицу' — или самого опалит, или себе крылья поломает. Отпустил... Глупую упрямую птицу, которая сама толком не знает, чего хочет. То ли истинное счастье

ищет, то ли очередную беду на свою непутёвую голову.

Лети, птица, лети! А за охотником дело не станет...

Глава 6 'Соколиный Берег'

— Ну что, парень, к нам в Соколиный али за границу сразу подашься? — спросил усатый дядька на воротах и окинул Литу внимательным взглядом.

— Какая заграница? Сюда мне надобно.

— Цель?

— Чего?

— Ох, деревня... — вступил в разговор второй солдат, помоложе. — Зачем, говорю, припёрся?то? Продавать, покупать, жить, родню навестить? А может, ты и вовсе преступник аль колдун переодетый?

Лита чуть рот не открыла — это шутка?! Или...

— Да не пугай ты его, Бран! — отмахнулся усатый. — Вишь, с лица спал бедолага... Эти вопросы мы всем приезжим задаём, порядок такой. Понял? Город?то у нас приграничный, одна надёжная переправа на день пути, народу, знамо дело, много толчётся. А в толпе кто угодно затеряться могёт. И хороший человек, и конокрад, и чёрный колдун. Вот мы и поставлены бдеть. Так чем ты заниматься?то собираешься?

— Пожить хочу, коль понравится у вас. А для начала знакомых найти.

— Кого? Может, мы знаем?

— Ой, и верно! Нужна мне Маля, что родом из Пенькова, и внучка её Келена.

— Хо, ещё один соперник на твою голову! — поддел товарища усатый. — Вона какая твоя ведьма знаменитая, аж из?за леса к ней ездят...

Бран смерил Литу придирчивым взглядом и снисходительно усмехнулся. Какой из этого заморыша соперник!

— Повезло тебе, что у нас про неё спросил. Город большой, искал бы её до ночи, а то и дольше. Бабка?то еёная уж год как померла, Кейра сама по себе живёт.

— Кейра?

— Она любит, когда её на заграничный манер называют. Обскажу я тебе, где дом её найти. Да только, чую, зря ты сюда притащился. У неё кавалеров как грязи, да не чета тебе. И не глянет, выставит. Разве что ты ей какой подарок богатый привёз?

Лиита, внутренне смеясь, приоткрыла короб и кивнула на лежавшие сверху деревянные бусы. Охранители с минуту молча взирали на это безобразие, потом переглянулись и захохотали так, что всех окрестных птиц перепугали.

— Ну что, с таким?то подарочком тебя самая душевная встреча ждёт, помяни моё слово! Жаль, мне с поста уходить нельзя, а то проводил бы тебя, посмотрел как тебя... кхм... привечать

будут, — расплылся в ехидной усмешке Бран. — Ладно, тогда слушай...

Хорошо, что ей сразу указали точные приметы нужного дома: маленький, бледно — зелёный, за белым забором, в саду две толстые старые груши с ленточками на стволах. И так не сразу нашла, а без подсказки и вовсе промаялась бы, как тогда, в Белореченске. Соколиный Берег раза в три больше. Правда, не такой извилистый, улицы почти все прямые, ровные, ведут от ворот к реке или к высокой старой башне на главной площади. Интересно будет здесь походить — побродить...

Но сначала надобно к Кейре наведаться. Судя по всему, девушка эта с характером, может, и слушать её не захочет, не то, что в подружки взять. Конечно, Лита и без неё не пропадёт, деньги?то есть, в кои?то веки... Но пообщаться с такой же, как она, разноглазкой, очень хочется.

На стук из дверей высунулась растрёпанная рыжеволосая девица. Руки по локоть в муке, лицо недовольное. Глаза, если не всматриваться, и не скажешь, что ведьмины: оба большие, светло — карие, только один чуть с зеленцой, а второй отдаёт жёлтым.

— Чего надо?

— Ты — Кейра?

— Ну, я, и что с того?

— Мне про тебя бабушка Юва из Пенькова рассказала, я у неё...

Девица прищурилась, разглядывая 'гостя', и, забыв про муку, потёрла кончик носа. Тут же расчихалась до слёз, подняв в воздух белое облако, и махнула рукой — заходи, мол.

— Только не на кухню, у меня там... чхи!.. стихийное бедствие!

— Пироги, что ль, печёшь?

— Пытаюсь, чтоб их так и разэтак... А тесто и к столу прилипает, и к скалке, и к рукам, сил моих уже нету!

— Может, ты муки не доложила?

— Да не знаю, вроде всё, как у бабушки в рецепте...

— Хочешь, помогу?

— А ты точно умеешь? Хуже не сделаешь?

Лита сунула нос на кухню и засмеялась.

— Хуже — точно не сделаю!

— Ладно, пошли руки мыть, переоденешься с дороги. Платье у тебя есть, или будешь и дальше под мальчишку косить?

— Да есть, есть...

Так, за работой, девушки познакомились и разговорились. Кейра заявила, что сразу просекла

её маскарад, и велела рассказать ей всё — откуда она и как дошла до жизни такой. Лита скрытничать не стала. К концу рассказа Кейра уже устала головой качать и глаза таращить.

— Ничего себе, ну ты и нахлебалась, подруга! И всё из-за дурасти людской! Были б глаза одинаковые, сейчас бы ты со мной тут не сидела, а со старосты вашего сынком вовсю женихалась. Зато б и отца напоследок не увидела, и сотника своего бешеного не повстречала. Прямо завидно!

— Чему ж завидовать?то??

— Тому, что жизнь у тебя интересная, свободная.

— А у тебя, скажешь, нет?

— Ну... Я и не спорю, но мелко всё это. Кавалеры надоели, проходу не дают, даже сглазу не боятся. Как прыщи — писяки сходят, снова ко мне прибегают... А я...

— Меньше, чем на князя, не согласна? Вот уж не думала, что так скоро вторую Фаню встречу.

Кейра фыркнула и стала накручивать на палец длинную рыжую прядь — задумалась.

— Не нужен мне никакой князь. А что нужно — и сама не знаю. Как бабка померла, всё маюсь чего?то... Замуж не хочу, а вот мир поглядеть и взаправду любопытно. Да только не решусь я на это.

— Почему?

— Потому что к дому привыкла. В Соколином народ острый на язык, но незлой, понапрасну не обидит. В детстве ещё ведьмой дразнили, пока плюху от меня не получали, а теперь обращаются уважительно, самой смешно. Знают, что могу сгоряча сглазить — ну, несильно, конечно, и не навсегда. Ты вот говорила, у тебя ведьминский дар со страху пробуждается, а у меня, видать, когда разозлюсь крепко. Бояться?то я давно ничего не боюсь... А вот доводят, бывает, и по нескольку раз за неделю. Особенно ухажёры неуёмные. Я тут у них почётный трофей в игре 'захомутай рыжую'. Надоели хуже горькой редьки. Гоню в дверь — а они в окно, нашлю порчу — а они ко мне тут же как к целителю приволокнутся. Я ведь бабушкиными стараниями травница неплохая. И, знаешь, мои зелья никто пить не боится. Потому что помогают, и потому что работу с личным я никогда не мешаю. Вот и получается замкнутый круг: сама порчу, сама лечу.

— А что, даже весело выходит, — улыбнулась Лита. — Это хорошо, что ты отходчивая, а то вот бы приезжие удивлялись — полгорода в прыщах! Мужчин понять можно — вон ты какая красавица! Я?то у тёти Цары в Белореченске на богатых купчих да дворянок вдоволь насмотрелась. Но такой, как ты, никогда не видела.

Кейра польщённо усмехнулась.

— Спасибо. Ты тоже ничего. Только одеваешься слишком просто. Ну да ничего, это дело поправимое! Вот пойдём с тобой завтра по лавкам, отведём душеньку!

Всё сложилось ещё лучше, чем надеялась Лита. Кейра не только помогла ей устроиться в Соколином, всё показывала — рассказывала, но и жить оставила в своём домике. Место есть, жалко что ли? И веселей, и выгодней. Пока она свои зелья варит, подруга и приберёт, и еду сготовит, тем более, это у неё куда лучше получается. Одни её пироги чего стоят...

Тогда, в первый же вечер, Лиита благодаря им приобрела нового поклонника. Как обычно, вечером к Кейре под разными предлогами слетелся добрый десяток местных молодцев. В том числе небезызвестный Бран: он всё вертел головой, высматривая среди гостей незадачливого паренька с бусами, и, конечно, не признал его в красивой скромной 'подруге и дальней родственнице'.

— Лита теперь со мной будет жить. Если узнаю, что кто-то её обидит — наведу настоящую порчу, неснимаемую. Все это слышали?! И друзьям своим передайте!

Её клятвенно заверили, что станут относиться к девушке словно к сестре родной. Промолчал лишь кузнец — высоченный и массивный, но на редкость застенчивый. Кстати, он был единственным, кто не носил на лице следов ведьминого сглаза. На остальных юношах язвы — коросты — бородавки цвели пышным цветом и знаменовали собой разную степень Кейрино гнева. У того же Брана 'всего лишь' шишка величиной с яйцо вскочила на затылке (под форменной шапкой и не видно), а вот на самого приставучего и смотреть-то было противно. Особенно на заплывшие свиные глазки и губы в пол — лица. А он ничего, сидит себе, этими губёхами по пирогам шлёпает и знай себе болтает да смеётся. Видно, привык уже...

Конечно, кавалеры не с пустыми руками приходили: кто пряники с вареньем притащит, кто орехи в меду, кто корзинку яблок. Но первыми, знамо дело, все за пироги ухватились, ели да нахваливали. Кейра честно призналась, что не её эта заслуга, и на новую ведьмочку стали смотреть ещё одобрительней. Спиртное не пили, только чай, но всё равно обстановка на посиделках была самая душевная. Верховодила всеми хозяйка; Лита пока всё больше молчала.

Расходились поздно и с неохотой. Лита заметила, что верзила кузнец явно не наелся и с тоской поглядывает даже на откусанное и забытое кем-то яблоко. Пожалела и уже в дверях сунула пару отложенных на утро пирогов. В ответ получила такую улыбку — словно солнце из-за туч выглянуло. Кейра потом долго над ней смеялась и предрекала в Соколином громкий поединок чести: 'всеобщий любимец Микул против заезжего сотника, храбреца — молодца! Спешите видеть!' Не приведи стихии...

Этот Микул, и правда, прилип к Лите как банный лист. На своё счастье, вёл он себя на редкость прилично, и, когда не работал, таскался за девушкой двухметровой молчаливой тенью. Помогал донести покупки, безропотно соглашался натаскать воды или спилить на груше высохшие ветки (Кейра шепнула, что благосклонность подруги надо как следует заслужить). Лите же было просто его по — человечески жаль. Такой же сирота, как и она; после смерти родителей старший брат разделил наследство так, что ему достался дом и всё хозяйство, а Микулу — лишь заброшенная дедова кузня на окраине города. Там Мику и жил, и работал. И на брата зла не таил: как же, у него семья большая, а ему пока и так неплохо. А когда к зиме стены утеплит — ещё лучше станет.

— Тебе одному-то там и вправду самое место, а ну как женишься, что, и жену в кузню приведёшь? — насмешливо спрашивала Кейра.

Парень краснел и мычал что-то неразборчивое, но всё равно упорно не отходил от Литы. А ей что — жалко? Хочет сидеть, смотреть, как она вышивает, пусть сидит. А что молчит, так то даже хорошо. И вообще Мику парень хороший. Вот только сердце при взгляде на него не трепещет, не замирает...

Десять дней на новом месте пролетели незаметно. За это время Лиита сносно изучила город, сходила с Кейрой поглядеть на башню, спускалась к реке. Познакомилась не только с подружинными поклонниками, но и с соседями и хозяевами ближайших лавок. В одну из них

договорилась относить на продажу свои работы. К своему удивлению, за всё время девушка ни разу не увидела столь любимого белореченцами знака, отводящего порчу. И с ней, и тем более с Кейрой здесь разговаривали спокойно и приветливо, будто и не было у них злосчастной ведьминой приметы. Выходит, права была бабушка Юва, несуетный в Соколином народ. Если уж и оставаться ей где-то надолго, то только тут.

И лишь одно не давало Лите полностью расслабиться и наслаждаться жизнью — мысли о Яраме. Днём она, как могла, отгоняла их прочь, но вечерами, во время очередных шумных посиделок её всё больше охватывала тоска. Как он там, здоров ли? Решил вернуться в столицу и забыл о ней? Или продолжает вместе с Рином искать — но не там? А вдруг что-то случилось? Не хотелось думать о том, что своим уходом она накликала на них ещё одну беду. Не хотелось... но думалось. Вот только даже Кейре Лита о своих терзаниях не говорила. Знала, что она на то скажет: раньше надо было думать. Раз сама захотела в Соколиный и дойти до него смогла — значит, так и было нужно. Кому? Кому — кому... Судьбе.

Вот уже несколько дней Кейра с воодушевлением таскала подругу по одёжным лавкам. Повод обзавестись обновкой был самый что ни на есть серьёзный — осенний праздник во славу всех стихий. Его в Соколином всегда отмечали с размахом. Урожай убран, соленья — варенья заготовлены и упрятаны по погребам и амбарам, значит, очередную зиму горожане переживут спокойно. А кому за это надобно спасибо сказать? Конечно, земле матушке да сётрам — братьям её — дождю и солнцу, ветру и снегу. И всем прочим стихиям, что помогли вырастить, не сгубили урожай, не пожгли в этом году лес, не наслали на людей и живность страшных хворей. Для этого и устраивался на главной площади весёлый праздник. Песни, пляски, выступления заезжих циркачей и музыкантов, потешные состязания, заморские сладости, каждому пришедшему — кружка кваса или сливовки задаром... А самое интересное — на праздник нужно непременно приходиться в маскарадном костюме. Эту моду они с самой Итулии переняли, больше нигде такого нет. Одеваться было принято в цвета стихий, но допускались и просто яркие наряды, но чтоб непременно с маской.

— Представляешь, как замечательно придумано! Наконец-то от меня все мои прилипали отстанут! — радовалась Кейра.

— Уверена?

— Конечно! Они же меня не узнают!!

— И что, каждый год не узнают?

— Да нет, потом вынюхивают как-то, — вздохнула девушка. — Хотя я и волосы прячу, и маску такую на лицо подбираю, чтоб глаз почти не видно...

— Значит, просто следят, в какой лавке ты платье покупаешь, и просят хозяина рассказать, какое именно ты взяла. Интересно, сколько стоит такой секрет.

— Ты думаешь?? Ну, я тогда им всем устрою!! Я...

— Тише, тише, — улыбнулась Лита, осаживая подругу. — Давай в этот раз похитрее сделаем. То платье, что ты уже купила, отнеси незаметно кому-то из подруг, у кого ухажёров мало, пусть хоть на празднике душу отведёт. А я тебе новое сама сошью, это дело недолгое. Ткани на другом конце города купим.

— Точно!! Ты только про себя-то не забудь!

Лита с улыбкой покачала головой.

— Извини, но мне на праздник не очень хочется. Я лучше дома посижу...

— Что — о?!!

Кейра даже мысли такой не допускала и допекала подругу до тех пор, пока та не согласилась.

За несколько дней всё было готово. Если первое платье Кейры было цвета огненной стихии, то теперь она решила быть метелью: всё кипенно — белое, с искрой, словно снег на солнце. На руках белые перчатки, под покрывалом не видно ни волоса, вместо маски тонкая вуаль на тщательно выбеленном лице. Никто сроду не догадается, что это она!

Сама Лита оденется не так ярко. Она выбрала образ туманной девушки. Свободное многослойное платье из легчайшей светло- и тёмно — серой дымки, с широкими рукавами и серебристым поясом, на голове шарф из такой же материи. Она завяжет его так хитро, что скроет и волосы, и всё лицо с такими заметными глазами. Правда, и для самой Литы краски праздника слегка поблёкнут, но это не страшно. Зато так не увяжутся за ней знакомые парни, надеясь, что она приведёт их к Кейре, и Мику её не узнает. Он загодя сказал, что нарядится солнцем (потому что единственная приличная рубаха — жёлтая) и обязательно пригласит её на последний танец. Почему именно на последний? Парень не ответил, засмутился. Тогда Лита пристала с расспросами к подруге. Та лишь отмахнулась: сам танец обычный, ничего особенного, просто у них в Соколином есть примета — с кем ты в это время рядом окажешься, с кем его станцуешь, тот и есть твой суженый. Нет, конечно, насильно тебя после него не потащат под венец, ссылаясь на всю ту же судьбу, но повод призадуматься определённо будет...

— А с кем ты его обычно танцуешь? — полюбопытствовала Лита.

— С двоюродным дядькой! — огорошила та. — У нас уж четыре года эта забава: пока мои кавалеры между собой дерутся, я к Бужору сбегую. Он вдовец, в другой раз жениться не хочет, вот мы и сговорились вместе плясать. Он всегда красным петухом рядится, в любой толпе увидеть можно... Только сейчас он, как назло, в Ясневый по делам уехал. Что делать, не знаю.

— Тогда давай вместе уйдём пораньше, — предложила Лита. — Я не хочу никаких судьбоносных танцев. Особенно с Мику, а то он точно решит, что у нас с ним всё сладится. Я уж и так, и эдак намекаю, что он для меня как брат, а он словно и не слышит...

— Потому что не намекать надо, а прямо сказать!! Не волнуйся, я тебя научу, как правильно мужиков отворачивать! — подмигнула Кейра. — А насчёт последнего танца — даже не вздумай увиливать, не принято! Обе останемся. Знаешь, может, и в самом деле будет с этого толк. Тебе на голову откуда не возьмись Ярам твой свалится, а мне...

— А тебе?

— И мне... кто?нибудь. Не говорила никому, но бабушка моя перед смертью рассказала — видение у ней было. Что через год встречу я своего суженого, напою его своим зельем — и полюбит он меня так, как никого до меня не любил. И я его тоже...

— Поэтому ты всех парней своими травами потчуешь? — догадалась Лита. — Ищешь?

— Ищу. Да только видишь, что напрасно... Ошиблась бабушка.

— Не думаю. Скорее она имела в виду не ровно год, а примерно. Вот, положим, одиннадцать месяцев — почти год, и полтора — тоже год, только с хвостиком. Так что нечего заранее расстраиваться. Найдёт тебя твой суженый.

— Или я сама его найду! — Кейра встряхнулась и погрозила неведомому жениху кулаком. — Устрою ему весёлую жизнь за то, что так меня намучил!

И вот настал день праздника. С раннего утра в домик юной целительницы набилось не меньше дюжины подружек, соседок и знакомых. Они всё приходили и приходили, пряча в сумках свои наряды, и с шутками — прибаутками одевались и прихорашивались. Хором поклялись стихиями, что ни за какие подарки не разболтают парням о нарядах друг друга, завернулись в длинные, до пят, накидки, а то и просто в одеяла, и гурьбой выбежали на улицу. Перед домом уже стояли две телеги — чьи?то отцы расстарались, они и подвезли девушек до главной площади.

А там уже творилось что?то невообразимое! Разноцветная весёлая толпа шумит, пляшет и смеётся; более пожилые степенно ходят, беседуя со знакомыми и покупая с лотков всякую всячину, а молодёжь бегают и скачет, радуясь празднику. Девушки оставили на телегах свои накидки и наперегонки устремились в самую гущу толпы. Неудивительно, что Лита почти сразу потеряла из виду и Кейру, и остальных знакомых, большую часть которых и запомнить?то толком не успела.

Расстраиваться не стала, да и некогда было — ведь вокруг столько интересного! Вот огромный, одетый медведем мужчина на потеху публике борется с настоящим медведем; дальше, томно выгибаясь, танцуют три девушки со смуглой, почти чёрной кожей, а такой же мальчишка в длинном полосатом халате подыгрывает им на каком?то диковинном инструменте. Вот желающим предлагают сразиться между собой на подушках — только перья разлетаются. Неожиданно для всех победителем вышла массивная, но юркая старушка, которая играючи побила нескольких здоровенных мужиков. Вот смеху?то было! На одном конце площади, где потише, поставили шатёр и за мелкую монету приглашали посмотреть на редких заморских птиц и зверей. Видимо, и вправду есть чему подивиться — народ выходит явно под впечатлением. А на противоположном конце площади, неподалёку от башни, установили ночью высоченную карусель. Крутится она быстро, и многие девушки визжат так, что порой заглушают музыку. Нет, ей туда лучше не ходить, а то сглазит кого?нибудь с перепугу...

А потом под какую?то задорную мелодию её схватили за руки и увлекли в общий хоровод. Вот тут Лита окунулась в настоящее веселье! Позабыв обо всём, она прыгала и кружилась вместе со всеми, и со смехом тащила в круг новых, совершенно незнакомых ей людей. Впрочем, узнать кого?то в такой толпе было бы мудрено. Разве что пару раз где?то вдалеке мелькнуло и пропало искрящееся белое платье Кейры — и оба раза она убегала от какого?то настырного типа в чёрном. Интересно, кто её узнал? Только бы не противный Хныр... Нет, тот ростом не вышел, значит, не он. Может, зря подружка бегают, вон они как красиво смотрятся вместе!

А потом Лита заметила Мику. Он стоял, окружённый восторженной стайкой совсем ещё юных девчушек, и откровенно маялся. 'Солнышко, солнышко, подари нам свои лучики! Поцелуй каждую, ласково и жарко!' Бедный Мику. Растолкать проказниц и дать дёру боится — зашибёт ещё кого ненароком, а поддаться — засмеют! Лите стоило невероятных усилий пройти мимо и не выручить страдальца. Нет уж, пусть лучше она так и останется до конца праздника туманной девушкой... Только подумала — и почувствовала на себе чей?то пристальный взгляд. Обернулась резко, взметнув 'туманным' подолом — не показалось ли? Ни одной хоть смутно знакомой фигуры, никто не бежит к ней, расталкивая гуляк... Даже жаль.

На протяжении всего праздника Лиита ещё несколько раз ловила на себе этот взгляд, но никто к ней так и не подошёл. Зато у лотка с квасом она столкнулась с Кейрой. Подруга пожаловалась, что незнакомец в костюме ночного ветра преследует её чуть не с самого начала праздника. Хорошо хоть, бегаёт медленно, не иначе старый, но надоел уже — сил нет! Вот и теперь, едва успев утолить жажду и поправить вуаль, девушка с возмущением ткнула пальцем в мелькнувшую неподалёку высокую фигуру в чёрном плаще, обшитом длинными лентами. При ходьбе они разлетались во все стороны, создавая иллюзию настоящего ветра. Опираясь на увитый такими же лентами посох, мужчина целенаправленно шёл в их сторону. Кейра подхватила юбки и в очередной раз задала стрекача, и он резко сменил направление, устремившись за нею. Лиита запоздало подумала — а вдруг она зря с таким упорством от него бегаёт? Вдруг это и есть её суженый? Не глупо ли заранее отталкивать человека, не узнав его? Подумала — а потом осознала, что она, Лиита, ничуть не лучше. Даже наоборот... Ну вот, умница — разумница, посмотри?ка на себя со стороны и признайся честно, стоил ли Соколиный того, чтоб никогда больше не увидеть Яра? Да, здесь она познакомилась с Кейрой, здесь у неё наконец?то началась спокойная жизнь без вечных косых взглядов... Но... Но.

Долго грустить Лиите не дали — на площади начались всеобщие танцы. Мужчины хватали понравившихся девушек, девушки, те, что посмелее, хватали мужчин и кружили вместе с ними под череду быстрых и медленных мелодий. Менялись партнёрами тоже часто, видно, надеялись к последнему танцу добраться до своих зазноб — дружочков. Литу тоже приглашали, пытались завязать разговор, выведать, кто она — но девушка предпочитала отмалчиваться, лишь лукаво улыбалась из?под шарфика. Она как?то вдруг решила, что не будет с замиранием сердца ждать последнего танца и не струсит, не убежит домой в надежде обмануть пресловутую судьбу. Пусть будет как уж будет.

Взгляд. Опять. И опять словно бы никого. В это же время резко смолкла музыка, и стоящий на возвышении наместник что?то проорал и замахал огромным красным платком. Музыка возобновилась, и Лиита очарованно подумала, что в жизни не слышала ничего более красивого. Нежного, плавного... Так и хотелось поднять руки вверх и взлететь серой птицей к облакам...

В реальность её вернула мужская рука, осторожно, но непреклонно ухватившая за плечо. Развернул, перехватил за обе руки — и Лиита оказалась один на один с незнакомцем в костюме ночного ветра. Значит, Кейре всё же удалось от него отделаться...

Высокий, крепкий. На этот раз без посоха, зато в низко надвинутом капюшоне. В прорезях маски блестят внимательные глаза, сама маска закрывает почти всё лицо. На виду — лишь подбородок и губы, плотно сжатые, без улыбки. Красивые... и, кажется, не такие уж незнакомые.

Лиита судорожно вздохнула и положила руки на плечи мужчины. Танец длился долго; музыка постепенно успокоила, заставляя отвлечься от партнёра, унося в какие?то неведомые дали, где так гармонично кружились вдвоём тёплый туман и пронизывающий ночной ветер...

Кончился танец так же внезапно и не совсем так, как предполагала Лиита. Она думала, что после него всем положено наконец?то снять маски и узнать, с кем же, собственно, тебя 'свела судьба'. В этом она не ошиблась. Рука незнакомца небрежно отбросила капюшон, открывая взгляду чёрные, забранные в хвост волосы. Одновременно он зорко наблюдал, как она начинает распутывать свой шарф. Делать это одной рукой было неудобно, но вторую он крепко держал в своей, словно боясь, что и эта девушка испуганно метнётся от него прочь. Чуть помедлил — но всё же первым развязал тесёмки на маске и бросил её под ноги. И даже не заметил, как рядом с ней улёгся отвязавшийся от пояса кошель...

Лита не боялась. Просто тряслись отчего-то непослушные пальцы, мешая освободиться от шарфа, и терпение у него окончательно лопнуло. Дёрнул на себя, с треском разрывая ткань, и тут же, не медля, прижался к её губам. Так неумолимо, так жёстко... так знакомо. Как тогда, впервые, в Белореченске. Всего лишь два неполных месяца — и целую вечность назад.

— Яр...

Он распахнул глаза и замер, неверяще — счастливыми глазами пожирая её лицо.

— Лита?! А я думал...

Снова рывком притянул к себе, накрыл жадными губами её губы, скрыл плащом от всего мира, от сотен других таких же целующихся пар. Нашёл, всё?таки нашёл!!

— Не убежишь... больше... Не отпущу. Не могу я больше без тебя...

В чёрных глазах ночного ветра ослепительно сияют шальные звёзды. Они манят и зовут за собой, и Лита, наконец, сдаётся, позволяет воздушным потокам оторвать её от земли, от надоевших своих сомнений, и унести — куда? Не всё ли равно...

Мама как-то сказала — от судьбы не уйдёшь. Она была права, как всегда. Не смогла недоверчивая дочка сразу узнать, разглядеть её, обмануть пыталась, да не вышло. Всё равно Яр её отыскал. Значит, действительно судьба. И противиться ей дальше просто верх глупости. Не даст ей Яр снова уйти... Да и она — она тоже больше не хочет быть вдали от него. Хватит дорог, новых впечатлений и новых городов. Пришло время выбрать для себя один — единственный. И одного мужчину — на всю жизнь.

— Яр... Ты меня замуж-то брать не передумал?

Лицо против воли осветила счастливая улыбка, и он не выдержал, стиснул её ещё крепче, со стоном утопил лицо в одуряюще пахнущих пушистых волосах.

— Моя... Лита...

— Кхе — кхе, голубки, хватит уже целоваться, праздник-то кончился!

— А у вас вон кошель упал, поднимайте, пока не стащили...

— Во молодёжь пошла бесстыжая! Уже десять минут прилюдно обжимаются!

— А сам-то, старый хрыч, лучше?! Видала я, как ты за девками гонялся...

— Что, угадала судьба? Под венец пойдёте, али так помилуетесь?

Ярам слегка отстранился от своей 'добычи' и широко улыбнулся неугомонному деду.

— Завтра с утра и пойдём. Да, Литушка?

Она кивнула и спрятала заалевшее лицо у него на груди.

— А деньги забирайте. Выпейте за наше счастье.

Яр крепко взял невесту за руку и повёл с площади прочь. Сзади раздалось изумлённо — радостное:

— Ох, и спасибо тебе, добрый человек! На это ж целый кабак вусмерть упиться может!! Народ, кто со мной в 'Толстую Матрёну'?!

Судя по ответным возгласам, её хозяйина ждала сегодня самая богатая в этом году выручка.

Глава 7 'Начало и конец'

Домой Лита в этот вечер так и не попала. Яр недвусмысленно заявил, что никуда её не пустит — знаем, мол, проходили. Накормил ужином в самом дорогом месте и на ночь повёл к себе, в дом наместника. Последнему Лита ничуть не удивилась, знаменитому княжескому сотнику все были рады услужить. Смущало другое — они ещё не женаты, а она в его комнате ночевать будет. Яр успокоил: не в его, а рядом. Дом у наместника большой, места хватит. Завтра с утра они, не теряя времени, отправятся в ритуальный дом, он как раз неподалёку. А платье... платье по дороге купят.

Пожилой наместник встретил Литу вежливо, но сдержанно. Наверняка и у него имелись в наличии незамужние дочери... В комнату невесты Яр заходить не стал. Попрощался на пороге, поцеловал крепко, потом, спохватившись, снял с пальца и надел на её руку свой родовой перстень. Тяжёлый, из чёрного серебра, с красивым витым узором и какой-то хищной птицей на печатке, перстень оказался ей ожидаемо велик. Тогда девушка развязала ремешок отцовских бус, которые носила теперь, не снимая, и надела на них кольцо жениха.

— Пока так поношу, а там что-нибудь придумаем...

— В шкатулку спрячем, будет старшему сыну подарок.

Лита покраснела и поскорее скользнула за дверь.

Сон не шёл долго. Слишком волнительно было сознавать, что всего через несколько часов её жизнь бесповоротно изменится. Она простится со своевольной Кейрой, с незадачливым и добрым Мику, со всем Соколиным, который так и не успел стать ей родным городом. И поедет с Яром и Рином в столицу. Князь, наверное, давно гневается на своего 'загулявшего' сотника. Ну ничего, больше никто не будет отвлекать его от службы. Лита, как примерная жена, займётся домом, Яр говорит, большой он у него, да запущенный. Значит, она должна обустроить его так, чтобы мужу было приятно каждый вечер возвращаться туда, к ней. Она сама сошьёт занавески и покрывала, вышьет скатерти и салфетки, а может, на дворянский манер заставит все окна яркими живыми цветами. А ещё...

За приятными мыслями, наконец, пришёл и сон.

Закончился он неожиданно скоро. Её бесцеремонно затрясли за плечо, затормошили:

— Лита, просыпайся, скорее!

В тусклых предутренних сумерках она не сразу узнала стоящего рядом с кроватью Яра. Что он тут делает?! Он же сказал, что не войдёт к ней до свадьбы!

Но всё оказалось гораздо хуже.

— Беда, Литушка. Только что к наместнику дозорный из караула примчался... Враги на город напали.

— Как, когда... кто?! Из Велесии??

— Пока неясно. Открыли ночью северные ворота, что у реки, в город вошли, грабят. Может, просто разбойники, но много их, очень много. А может, и соседи по — подлому войну начали. Некогда разговаривать, Литушка, одевайся. Или нет, беги лучше к Рину, его комната на первом этаже, самая дальняя. Пусть он тебе свою одежду даст, так верней будет. И передай приказ мой — тебя беречь пуще глаза и бежать к южным воротам. Там пока всё спокойно. Отсидитесь в лесу, я вас потом найду.

— А ты??

— А мне город защищать.

Лита промолчала, изо всех сил борясь со слезами. Первая обняла его — крепко — крепко, насколько силы хватило, первая несмело поцеловала в губы. И опрометью метнулась к двери. Не до слёз нынче, не до долгих проводов. Яру надо о самом главном подумать — как неприятелю отпор дать, а не возиться с обморочной невестой...

Комнату оруженосца девушка нашла быстро. Да только на стук он не вышел. Спит крепко или уже убежал, разбуженный поднявшейся суетой? Решилась, вошла. Рин спал поперёк кровати, одетый, даже сапоги не снял. Лицо помятое, волосы всклокочены — ну чисто стог сена. И запах такой характерный... Не он ли в числе прочих пил вчера в 'Матрёне' за их счастье?

Счастье кончилось, не успев толком начаться. Лита с ужасом отгоняла мысли о том, что с ними со всеми будет. Неужели и правда война началась??

Рин упорно не просыпался. Уж она его и тормошила, и уговаривала, и толкала — всё впустую. Только когда догадалась опрокинуть ему на голову полный кувшин с водой, он кое-как продрал глаза.

— Лита?! Что ты... в таком виде...

— Всё потом! Вставай, быстро! Штаны с рубашкой чистые есть? Давай сюда!

Спросонья да с похмелья парень соображал не лучшим образом, и сборы заняли больше времени, чем надеялась Лита. Когда они, наконец, выбрались из дома, уже совсем рассвело. По улицам метались перепуганные жители, кто-то наверняка ещё блаженно дрых после праздничных возлияний и не знал, что в город пришла беда. Выбрали лиходеи самое удобное время, когда их никто не ждал, воспользовались людской беспечностью для своих чёрных дел... Страшно.

Они почти достигли ворот, когда навстречу из бокового переулка выкатилась целая ватага дюжих вооружённых мужиков в косматых шапках.

— Вот мы вас, задохлики!!

Лита взвизгнула и кинулась обратно. И тут же была схвачена за шкуру их товарищем — откуда он только взялся? Увидев это, Рин со злостью бросил на землю свой клинок. Не успели...

— Порешить, что ли, щенков?

— Хорь велел всех встречных ловить да в подвалы запирать, будут... эти, как их... заложники, вот.

— Эта нищета?! Кто ж за них заплатит? Может, лучше...

— Ватамана послушаться? Добро, я ему так и обскажу.

— Ладно уж... — разбойник выпустил Литу и с досады наградил её хорошим пинком. Девушка смолчала. — Давайте шевелитесь, а ну живо, заморыши!

В подвале добротного купеческого дома было холодно, но не сыро. Там уже сидело с десяток человек, которых похватили во время всеобщей паники. В основном бабы, двое детей и злой, как собака, старик, у которого отобрали и любимую палку, и любимую трубку. Ох, он и ругался! Девки краснели, мамыши детям уши закрывали...

Лита и Рин нашли себе уголок у дальней стены. Сели рядом, и Рин, помявшись, предложил прижаться к нему — так теплее. Девушка смущаться не стала, не до того теперь.

— Как думаешь, что они с нами сделают?

— Не знаю. Лит... Ты прости меня. Кабы я вчера не напился, как свинья, мы б с тобой уже до леса добрались. Подвёл я вас с Яром...

— Чего теперь?то виниться? Значит, так уж суждено было. Скажи лучше, похожи эти разбойники на чёрных колдунов? И главарь ихний Хорём прозывается... Неужто из самого Хорь — града? Тогда они тут камня на камне не оставят и нас всех под обломками похоронят... Говорят, для колдунов простые люди — что блохи, существа бесполезные, только под ногами путаются.

— Нет, не колдуны они. Я раз одного видел — у него кожа серая, почти чёрная, и глаза узкие и словно огнём горят. Правда, личины они носить умеют, нипочём от обычного человека не отличишь, но всё равно, чувствую, не они это. Предводитель — ещё может быть, да и то навряд ли. Это просто очередная разбойничья шайка, только очень большая. Помнишь, они не все по — нашему говорили? Значит, объединились тайно с велессами, а может, и ещё с кем. Одежда?то у всех разная, стало быть, не вражья это армия, те бы в одинаковой были.

— Да, верно... А Хорь нарочно себе это имя взял, для устрашения.

— Угу. Думаю, надолго они в городе не задержатся, наверняка за границу уйдут. Понимают, что скоро к нам на подмогу княжеская дружина примчится. Голубей, поди, сразу послали. А ещё Яр здесь — вот уж кто им всем покажет! Хлебнут вражины с ним лиха! Эх, кабы и мне к своим пробиться... А я, как дурак, в подвале с бабами сижу. И винить?то некого, кроме себя.

— Они у тебя всё оружие отобрали? Ничего не осталось?

Рин качнул головой и украдкой покосился на свои кулаки. Сейчас его не слишком выдающаяся внешность только на руку. Но не зря Яр его учил — в случае нужды он способен сильно удивить своих врагов. Вот только...

— Послушай, Лита. Не знаю, долго ли они нас тут продержат, но предупреждаю: что бы ни случилось, сиди тихо. За других не вступайся, толку от этого не будет никакого, только хуже сделаешь. И себе, и другим. И Яр мне не простит, если с тобой что?то случится. Пока разбойники думают, что ты мальчишка, самое большее — ещё пинков надают. А с девицей, будь у них время, церемониться не станут. Опять же глаза прячь. И постарайся никого не сглазить, догадаются — не пожалеют.

Лита молча кивнула и со вздохом уткнулась лицом в колени. Вот уж не думала она, что на те же грабли наступит, да ещё так скоро. Может, лучше косу совсем отрезать? Так ведь нечем... И глаза никуда не денешь. В подвале?то темно, а ну как выведут их на свет? Она будет уговаривать себя не бояться, но возможно ли это в принципе? А ещё за Яра страшно. И за Кейру — как там она, жива ли? Добрались ли до неё злодеи?

Ответ на последний вопрос она получила неожиданно быстро. В подвал втокнули перепуганную пожилую пару, наградив каждого увесистым тычком. Дёрнувшуюся к ним Литу Рин удержал, без неё справятся. Старики, плача, рассказали, что на их улице разбойники сейчас всю люют. Разозлила их молодая девка: оказалась она ведьмой и так сглазила — сразу двадцать человек жуткая чесотка одолела, а самый ретивый голубым лишаём покрылся. Пока вопили да чесались, её уж и след простыл. Тогда они в отместку несколько домов подожгли. Не было бы большого пожара! Женщины беззвучно заплакали, прижимаясь друг к дружке, а Лита облегчённо выдохнула.

Вскоре дверь подвала снова распахнулась, и двое разбойников брезгливо спихнули со ступенек окровавленное мужское тело в форменной одежде. Девки испуганно взвизгнули, пока сердитый дед не велел им заткнуться. Тут уж Рин не стал отсиживаться: подошёл, осмотрел, приложил ухо к неподвижной груди и махнул Лите.

— Жив он, не орите. Давайте его в угол перетащим, надо кровь остановить.

Вместе с парой самых крепких девиц они осторожно оттащили мужчину с прохода, полили раны найденной кем?то за ледником брагой и перевязали, оторвав широкие полосы от нижних рубашек. Через некоторое время воин пришёл в себя и рассказал последние новости. Разбойников действительно много, и они неплохо организованы. Выбрав для нападения на город наилучшее время, они почти справились со своей задачей — вдоволь пограбить сонных и похмельных. Но главной их целью была башня и хранившаяся там казна в золотых слитках. Почему?то считалось, что в ней все подвалы золотом забиты... Да только не учли злодеи того, что в городе заезжий княжеский сотник остановился. Он мигом всех построил и организовал, в результате ни башня, ни богатые оружейные склады им не достались. Дружина наместника засела в башне и окружающих площадь домах, грамотно держа оборону и потихоньку продвигаясь вглубь города. Разбойному 'ватаману' велено было передать, что подмога уже в пути, пусть убираются, коль им жизнь дорога. Хорь рвёт и мечет с досады, озверевшие лиходеи грабят богатые дома, убивая тех, кто пытается сопротивляться. Наместников дом в отместку подожгли, хорошо, там уже никого не было, все в башне укрылись. Только младшая его дочка замешкалась и едва не угодила к разбойникам. Отбил её молодой кузнец — чуть не десяток своим молотом положил. Самому тоже досталось, так наместникова дочка за ним лично ухаживает, не иначе влюбилась девка. Потом мужчина рассказал, как случайно оторвался от товарищей и сам попал к разбойникам. Чудо, что сразу не убили, но покалечили знатно...

В это время дверь подвала со скрипом распахнулась. Пленникам приказали выходить, да побыстрее. Женщины тут же снова расплакались от страха, дети тоже, старик матерно заругался сквозь зубы. А что делать? Надо идти, иначе силой потащат.

Лита бросила испуганный взгляд на Рина и изо всех сил постаралась успокоиться и выровнять дыхание. Раненого мужчину они быстро оттащили за ледник, авось про него забудут, и в числе последних выбрались из подвала.

Всех согнали в одну просторную комнату. После темноты глаза немилосердно слезились, так что 'плакали' теперь все до единого. Приятное зрелище для злодейских глаз. Среди рослых бородатых разбойников выделялся один, в богатом красном кафтане, но сам маленький и

щуплый. Лицо узкое, взгляд пронзительный и злобный. Никаких горящих глаз нет и в помине — стало быть, Хорём его прозвали просто за неказистую внешность. При виде небогато одетых заложников его тонкие губы исказила брезгливая гримаса.

— Кого вы мне похватали?? Кроты слепые! Это, что ль, богатые купцы да наместникова родня?! За них нам башню с поклонами откроют?!

— Так ты же сам...

— Молчать!! Уберите их с глаз долой!

— Порезать всех, али што?

Две женщины тихо осели в обморок; остальные боялись даже шелохнуться в ожидании ватаманова ответа. Тот выдержал долгую паузу и небрежно махнул рукой:

— Вот ещё возиться! Дать всем пинка, пусть катятся!

— Может, хоть девок оставим, позабавимся на дорожку? — спросил кто?то.

— А, берите, если хотите, жалко что ли? Только поскорей, помните про время.

Комната тут же наполнилась криком и визгом. Одни разбойники тычками подгоняли стариков и тёток с детьми на выход, другие, сально улыбаясь, пытались схватить бьющихся в истерике девиц. Только всё неудачно: один со всей дури лбом в стенку врезался, у другого на глаза шапка упала, да так плотно застряла, что и не снять, ещё двое загнали девчонку в угол да и разодрались, кому первому с ней забавляться.

Рин ухватил Литу за руку и поволок к двери, сооротив на всякий случай лицо попридурковатей. Сзади в комнате что?то грохнуло — это очередной злодей, споткнувшись, налетел на полку с медной посудой.

— Глянь, а штаны?то с сапогами у парнишки форменные! В княжьей сотне всем такие выдают! — вдруг разглядел кто?то. — Может, энто шпиён?

До двери оставалось всего?то пара шагов, но выбраться из дома они так и не успели. Первой сцапали за плечо Литу, и Риньяр вынужден был остановиться. Один бы прорвался, но, видно, сегодня, как и вчера, не его день.

— Вот этот псёныш — из княжьей сотни? — презрительно фыркнул Хорь, разглядывая пленника. — А, может, ты и вовсе командир ихний Ярам?

Разбойники захохотали и по кивку главаря наградили парня душевными плюхами. Рин вытер рукавом хлынувшую из носа кровь и с деланным недоумением продолжил пялиться на своих мучителей. Те добавили ему ещё, потом ещё, но Рин все побои сносил с молчаливым смирением. У Литы за него сердце кровью обливалось, но что она могла сделать? Только замереть мышкой и уповать на то, что вот — вот ворвётся в двери ихний дозорный, заорёт с порога 'Княжьи едут!!' Тогда всем уж не до них станет... Да только где они, защитники??

— Хватит. Тащите его сюда. Забыли, что у солдат тех специальный значок на шее имеется? Вот и поглядим.

Рин стиснул зубы и с трудом заставил себя остаться на месте. Точно, не его день. Теперь уж,

видно, последний. Только б они про Литу позабыли, не вздумали и у неё на шее такой же знак искать... И на том свете тогда ему покоя не будет, что не сберёт её.

— Ничего себе! — присвистнул разбойник, дорвав его ворот и выставив на всеобщее обозрение ремешок с подвесом в виде серебряной монеты. На ней был хорошо виден княжеский герб. — А малец?то и взаправду из сотни! Что ж, в неё теперь таких доходяг принимают??

Он первый засмеялся своей шутке и тут же громогласно заикал, выпучив глаза. Вот же напасть!

Под всеобщий хохот Хорь махнул рукой ближайшему помощнику, и тот вытащил из?за пояса короткую кривую саблю.

— Так и будешь молчать?

Рин не отказал себе в последнем удовольствии — глянул на главаря так, что, будь он колдуном, убил бы на месте. Тот даже вздрогнул от этого взгляда... И поскорее кивнул помощнику с саблей. Более не мешкая, разбойник замахнулся... и что было сил рубанул по руке стоящего рядом товарища. Фонтаном брызнула кровь. Снова крики, суматоха! Про несчастных девок и Литу уж и забыли, бежать бы им, да дядька огромный у дверей стоит, не пустит. Хорь не утерпел, сам выхватил у кого?то нож, подскочил к Рину — и вдруг уронил этот нож себе на сапог. Заорал тонко, по — бабьи, и так громко, аж уши заломило.

— Вытащите, вытащите!!

Конец лезвия вошёл неглубоко, но чувствительному ватаману хватило с лихвой. Кто?то кинулся к нему на помощь, а двое самых дюжих злодеев стали неспеша закатывать рукава. Придушить щенка можно и голыми руками! Или лучше шею свернуть?

Лита поняла — всё. Рина уже никто не спасёт. Ни свои, ни чужие... В глазах на миг потемнело от ужаса и боли, и она не сразу поняла, что это происходит на самом деле: у разбойников, одного за другим, внезапно пошла носом кровь, а волосы ощутимо заискрились, того и гляди, вспыхнут...

— Лита, не вздумай!!

Рин нарочно не смотрел на неё, чтоб не поняли, не признали в ней ведьму. Воспользоваться суматохой и сбежать, пока все отошли от двери, будет нетрудно. Вот что хотел сказать ей Рин на прощанье. Он хочет выполнить приказ своего командира во чтоб это ни стало и тем искупить свою невольную вину. Но разве... разве она сможет сейчас вот так просто взять и уйти, оставив его на верную мучительную смерть??

И тогда Лита сделала то единственное, на что хватило смелости и силы. Не ведьминой, которая также внезапно оставила её, перестав терзать разбойников, а своей собственной. Рука как во сне потянулась к шапке и сняла её, открывая тяжёлую косу. Разноцветные глаза спокойно и чуть насмешливо встретили очумелый взгляд ближайшего злодея.

— Ох ты, ведьма... — неожиданно ломким голосом произнёс он.

На комнату опустилась оглушительная тишина. Все смотрели на Литу: замершие по углам пленницы — с надеждой, разбойники во главе с ватаманом — с разной степенью злобы и опаски. А Рин... Лучше б не видеть ей его взгляд.

— Не та ли эта ведьма, что ребят наших обчесочила?

— А вдруг на нас чего и похуже наслёт...

— Кровью вконец изойдём...

— Можете изойти, — кивнула она. — Или заживо сгореть, коли сильно разозлюсь. Поэтому не злите лучше. Заложников всех отпустите, пусть невредимые до своих дойдут. И парня тоже. Это не его знак, стащил он его. Разве сами не видите, что такому хилому не место в сотне?

Рин явственно заскрипел зубами и ожёг её новым яростным взглядом.

— Ну, долго мне ждать?

Лита никогда не думала, что сможет вот так, с обманчивым спокойствием, даже превосходством, стоять в одном шаге от смерти. Словно и не она это вовсе... И ведьмина суть здесь ни при чём. Просто слишком страшно стало — настолько, что вынести его стало невозможно. А больше того страха и нет ничего, одна звенящая пустота.

— Уходите все.

Один из мужиков ногой распахнул дверь — и заложницы, не веря своему счастью, метнулись на улицу. Но Рин, конечно, остался. Подошёл, как тисками сжал руку, глянул на бледного Хоря исподлобья.

— Вместе пойдём.

Так, вместе, их и схватили. Удивлённые тем, что из дома выбегают недавние пленницы, двое разбойников осторожно заглянули в комнату и сделали то единственное, что им пришлось в голову — сцапали за косу последнюю. А то нечестно, все натешились, а они чем хуже?! Один из мужиков тут же получил по рёбрам от пленного парня, зато второй так рьяно вцепился в добычу, что чуть не задушил её собственными бусами. Ремешок на них был хоть и тонким, но прочным, и у Литы мгновенно перехватило дыхание. Рин отвлёкся... Тут их и повязали.

— Ведьму прикончить!! И щенка этого тоже! — брызгая слюной, заорал Хорь. Подельники запереглядывались: резать её лично охотников не нашлось, сглазит ведь перед смертью, как пить дать.

— Пусть кто поймал, тот и приканчивает, — наконец, пробубнил кто?то.

— Верно, верно! Ктут с Щипкой словили, вот им и...

— А чего сразу нам??

— Стойте! Нельзя её убивать! — глядя на главаря, выкрикнул Рин.

— А кого можно? Тебя?

— Меня — да. Я простой солдат. А она — невеста Яра.

Зачем он это сказал??

— Не верите? У неё на бусах его перстень висит. Они сегодня жениться собирались, все про то знают. Лита, показывай!

Девушка наградила его таким же взглядом, каким до этого смотрел на неё он сам. Сжала губы и, оттолкнув руку державшего её разбойника, вытащила из-за ворота подарок жениха.

— И что нам с того?

— Сам думай, коли не дурак, — скривился Рин. — Пошлите кого-нибудь сказать Яру, что у вас его невеста, он вам тогда сам башню с золотом отопрёт.

— Да разве... хм, а почему бы не проверить? — прищурился ватаман. — Вот ты и пойдёшь, обскажешь ему ситуацию. А мы подождём... недолго.

— Не пойду. Своего пошли.

— Чтоб его ещё до площади подстрелили? Нет, или ты — или она умрёт прямо сейчас. Забирай у неё кольцо в доказательство и беги. Ну!

И Рин ушёл. Зная, что этим лишь дал ей небольшую отсрочку, зная совершенно точно, что Яр не сможет ни уговорить, ни заставить наместника отдать башню на разграбление. Ведь он лично перед князем за казну отвечает. Разве стоит жизнь какой-то девчонки, хоть бы и Яровой невесты, благополучия целого города? Золото — это ведь те же запасы на зиму, ремонт моста и граничных ворот, жалованье дружины и его собственное... Нет, не пойдёт на это наместник. Разве что они с командиром сами придумают, как выручить Литу. Оставить её совсем одну в этом логове — прямое нарушение приказа. Но так бы её уже убили!

Лита не простит его. Она ведь тоже всё понимает. И понимает, что своими словами Рин подверг опасности самого Яра. На что он способен ради неё? На многое. Но изменить присяге?? Тогда лучше бы ей и взаправду умереть...

Брошенный вслед взгляд буквально жёг ему спину, пока оруженосец пробирался к башне. Нет, не простит... И пусть.

Литу заперли в соседней комнате, даже связывать не стали. А то точно сглазит... Но охрану не только под дверь, под каждое окно поставили — ещё бы, сбежит, тогда точно прощай, золото!

Рин вернулся довольно скоро. Растрёпанный, запыхавшийся, видать, бежал всю дорогу.

— Они согласны.

Что??

— Веди своих на площадь. До неё дойдёте, Яр солдат отвёл. Там и поговорите.

Зачем, зачем?!

Напрасно Лита ловила его взгляд — Рин упорно смотрел куда угодно, лишь бы не на неё. И немудрено. За то жалкое время, что у них было, никакой толковый план точно не придумать. Только самый безрассудный.

Огромная пустая площадь встретила разбойников неприятной давящей тишиной. На земле — горки неубранного 'праздничного' мусора: бумажные кульки из-под семечек, шелуха, раздавленные фрукты. Чуть покосившаяся карусель рядом с башней сейчас напоминает голое высохшее дерево. Ветер шевелит и перекачивает забытую кем-то яркую ленту и кусок окровавленной ткани — режущее глаз сочетание беззаботного вчера и страшного сегодня.

Хорь привёл сюда чуть не всю шайку, включая лошадей и телеги для перевозки золота. Если Яр обманул и решил заманить их в западню, с такой силой ему точно не совладать. Если же, паче чаяния, княжеская дружина слишком рано домчится до Соколиного, можно будет успеть уйти с награбленным — хоть за границу, хоть в леса. Литу с Риньяром ватаман, как и ожидалось, взял с собой, заставив идти первыми. Так будет проще уследить за ними и в случае чего первыми же и отправить в царство стихий. Хотя, конечно, лучше бы это сделать под самый конец, когда золото уже будет у них в руках. Вариант честного обмена заложницы на казну Хорь тоже рассматривал, но с куда меньшей охотой. Ладно, в конце концов, главное для них — получить вождеденное золото. А ведьма... что ведьма? Пусть уж живёт, не им же с ней век вековать... Вспомнит ещё ненавистный сотник сегодняшней день, не раз пожалеет, что не зашибли они его девку сгоряча, да поздно будет!

Разбойники запрудили часть площади и прилегающие к ней улицы. Ближе к башне подходить пока остерегались — а ну как передумают и стрелами засыпят?

Но вот чуть приоткрылось одно из окон, и на землю легко спрыгнул мужчина в чёрной форменной одежде. Окно тут же захлопнулось, а он спокойно и неторопливо пошёл навстречу захватчикам. Сотни глаз следили за каждым его шагом. Кто со злобой, кто с подозрением, а кто и с невольным восхищением. И лишь один взгляд заставлял сердце Ярама сжиматься от страха. Не за себя — за неё, маленькую и хрупкую, утонувшую даже в рубахе худосочного оруженосца. Он?то, Рин, наоборот, даже не смотрел на своего командира. Как можно незаметнее он подобрался поближе к Лите, встал за её спиной, дожидаясь условного знака. Тогда, в суматохе, он закроет её собой от стрел и клинков и бегом дотащит до ближайшего дома — там уж тихонько отперли дверь и ждут их. Парень так горел желанием исправить свою ошибку, что Яр знал — ради его невесты он сделает всё возможное и невозможное. Как и он сам. Вот только шансов уцелеть у него ещё меньше, чем у Рина.

— Ну что, где наше золото? Чего один пришёл? — не выдержав, крикнул Хорь.

Ярам остановился и демонстративно развёл руками.

— Что ж ты хочешь? Или не знаешь, что у любого наместника семь пятниц на неделе? Согласился он, а теперь поторговаться решил. Телегу доверху гружёную, так и быть, даст, но больше ни за что.

— Одну телегу?! Вы издеваетесь надо мной, да?? Не дорога тебе, видно, твоя невеста, сотник! Неужто придётся её прямо тут немного попортить, чтоб ты посговорчивее стал?

— Я тебе другое предлагаю! — заторопился Яр. — Отпусти её, а взамен меня заложником возьми. За меня наместник ещё одну телегу даст, заботится князьего гнева.

— Нет, не надо!!

Крик вышел беззвучным: Рин вовремя зажал девушке рот. Ближайшие к ним разбойники, ухмыляясь, наблюдали, как она бьётся в его руках и норовит укусьить за ладонь. Вот бешеная девка!

— Да там того золота кот заплакал! Я сам видел, никакие не горы, а пять — шесть телег, да и то без верха! Слово даю!

— Что мне твоё слово? — поморщился Хорь. — Но раз ты так настаиваешь, ладно, возьму тебя в заложники. Только вот девку твою...

Ярам, поняв, словно бы в отчаянии махнул рукой, и в тот же миг тело ватамана пронзили сразу две стрелы. Он захрипел и, как подкошенный, рухнул навзничь, а в разбойников с ближайших крыш полетели всё новые и новые стрелы. Яр выхватил из сапога узкий клинок... А Рин схватил Литу в охапку и бросился в сторону заветной двери.

Им повезло: охваченные невольной паникой, не понимающие, откуда стреляют, разбойники в первую минуту растерялись. Рин бешеным вихрем домчался до ближнего дома и кубарем вкатился в дверь, которая тут же снова захлопнулась. Успел...

Лите помогли встать, сунули в руки кружку с водой. Но она лишь головой покачала, с отчаяньем глядя на своего спасителя.

— А что теперь?!

Не отвёл глаза — наконец-то. Улыбнулся, показав ямочки, но от этой улыбки словно мороз пробежал по коже.

— Главное — что ты живая. А с 'хорями' мы сейчас управимся!

Взял приготовленный для него меч и бесшумно выскользнул в заднюю дверь.

Пока хозяйка её запирала, девушка метнулась на второй этаж, приоткрыла ставень и жадно вгляделась в закипевшее на площади сражение. Дружина Соколиного покинула башню и вовсю сыпала стрелами, постепенно приближаясь к разбойникам. На улицах их начали теснить попрятавшиеся по приказу Яра солдаты, к ним присоединились и простые жители — кто с дубиной, кто с вилами. Засевшие на крышах лучники метко разили заметавшихся врагов...

Но всё равно их было слишком много. Слишком — для тех двоих, что находились сейчас в самой гуще боя. Вёрткая фигура оруженосца мелькала то тут, то там, иногда надолго пропадая из вида, но каждый раз появлялась снова. И Ярам... он тоже был ещё жив. Два тонких лезвия в его руках легко, словно играючи, разили озверевших разбойников, не давая им подходить слишком близко. Желаящие, впрочем, находились — и один за другим падали вокруг невредимого сотника. Но надолго ли такое сумасшедшее везение?! Надолго ли?..

Где-то рядом вскрикнула хозяйка. Оказывается, всё это время она стояла тут же, у окна. Она тоже видела — как, схоронившись за убитой лошадьё, один из лиходеев спешно натянул лук. Как в него самого угодила чья-то стрела. И как выпущенная им смерть настигла мужчину в чёрной форме княжьего сотника. Лите показалось, что он падал долго — долго. Так и не выпустив своего оружия, не желая сдаваться, не обращая внимания на торчавшее из груди древко стрелы...

Женщина дёрнулась было за ней — не пустить, но тут же испуганно отшатнулась. Лита не помнила, как отодвинула тяжёлый засов и оказалась на улице. Там, должно быть, было очень шумно, но для неё город сейчас будто вымер. Потому что его навсегда покинул неистовый, неумолимый ночной ветер. А без него и призрачной туманной девушке здесь нечего делать. Больше нечего. Он всё-таки догнал её, а она — она его уже не догонит. Не крикнет вслед, срывая голос: 'Останься со мной!' Не заберёт его, бесплотного, в свои тёплые туманные объятия... 'Не убежишь...' Больше. Никогда.

Лита смогла сделать ещё несколько шагов, а потом бессильно сползла на землю. Она даже не почувствовала, как, покинув её, вырвалась наружу, расплескалась в воздухе яростная, тёмная ведьмина сила. И как, повинувшись этой силе, на площадь внезапно опустилась ночь.

Глава 8 '... И снова начало...'

— А если всё ж совсем померла? Может, ну её, а, Драб? Скинем в кусты, да и вся недолга.

— Не вздумай! Знаешь, какие они, ведьмы, живучие? Слышал я, что одну даже похоронить успели, а она через два дня как выкопалась! Приходит к себе домой, а там уж новые хозяева объявились...

— И что?

— Что?что... Разозлилась и так всех сглазила, что даже дети со страху поседели.

— Ой...

— Вот тебе и 'ой'. Забыл, что ли, что эта девка на площади устроила?!

— Забудешь такое! Когда белый день чёрной ночью обернулся... А потом всем нашим будто песка в глаза надуло, до сих пор слезятся, собаки.

— Вот — вот, из-за неё всё! Одних в капусту порубили, других повязали. Хорошо, что мы вовремя оттуда утекли. Даже добро кое — какое прихватили... Так что мы с тобой, Шитко, из всех самые везучие.

— Угу... А ватамана жалко. Больно умный мужик был. Что ж теперь, как дальше?то жить? На что? Вместо золотых слитков — мешок барахла да обморочная ведьма. Много ли за это выручишь?

— Не бойсь, дружка, со мной не пропадёшь! Слышал я, что в одном городе часто колдуны из Хорь — града проездом бывают. До него всего?то два дня пути. А уж там мы с тобой развернёмся. Продадим девку колдунам, тут главное, в цене не прогадать...

— Почём ты знаешь, что купят?

— Знаю. Потому и прихватил её вчера. Говорят, колдуны наших ведьм для каких?то своих ритуалов используют. Силу их выпивают, до самого дна. Ведьма, конечно, умирает, а они становятся ещё могущественней. И даже жизнь себе продлевают. А тело ведьмы пускают на опыты.

— Ккакие?

— Откуда я знаю? Я, хвала стихиям, не колдун...

Телегу в очередной раз подкинуло на ухабе, и Лита с трудом удержала стон. Незаметно приоткрыла глаза — и убедилась, что недавний разговор разбойников ей ничуть не приснился. Они ехали по заросшей лесной дороге. Справа и слева от неё — ёлки, ёлки, ёлки... И ни одного ясеня, ни одной родной берёзки. Значит, она уже и вправду в Велессии. Утренний туман неохотно рассеивался, делая чётче очертания деревьев. Утро... А тогда, на площади, был только ранний вечер. Долго она пролежала в беспмятстве, ох, долго... Да и теперь ещё такая слабость, что голову поднять тяжело, не то, что затёкшие от веревок руки и ноги. Видно, всерьёз боятся дядьки, как бы ведьма чего не выкинула.

Лита осторожно проверила верёвки — за столько часов они порядком провисли. Сможет ли она освободиться, сбежать незаметно? Нет. Что толку себя обманывать... Даже если сползёт с

телеги (мужики?то спереди едут, оборачиваются редко), то не уйдёт далеко. Или они спохватятся, или её быстрее дикие звери найдут. Зато так хоть сила её, если она ещё осталась, злым колдунам не достанется. Не должна она попасть к ним в руки, слишком это будет несправедливо... и страшно. 'Выпивают', 'на опыты'... Нет, не бывать тому!

...Копыта лошадей весело зацокали по брёвнам моста, и Лита вновь вынырнула из своего зыбкого забытья. Мост был хоть и старый, узкий, но ещё крепкий и такой высокий, что и реки под ним не видать — туман один. Он сонно клубился и с высоты выглядел таким уютным, словно мягкая перина в спальне богатого дома. И Лита вдруг поняла — это ведь он её зовёт, её манит! Потому что не ведьма она, а просто туманная девушка, которая наконец?то вернётся домой, сольётся с родной стихией. Не умрёт в плену у чёрного колдуна, не будет лить слёзы, вспоминая убитого жениха... Нет, она просто станет новой частичкой тумана, растворится в нём, позабыв про свои страхи и печали, и обретёт желанную, такую желанную свободу. От всех, от всего... Так будет лучше.

Разбойники дружно обернулись — и едва успели увидеть мелькнувшую у края моста светлую рубаху.

— Батюшки! Утопнет!!

Больше ничего Лита уже не услышала. Недолгий свист ветра в ушах — и измученное тело, разорвав туман, погрузилось в холодную быструю воду. Тысячи ледяных иголок... вздох... не сделать больше... всё... Теперь уж всё.

В царстве стихий тоже оказалось холодно. А люди?то вдали, что там всегда лето, птички поют...

Птички не пели. Наоборот, рядом сопели и ругались, точно как давешний дед в подвале. И зубы у кого?то стучат так противно... Неужели у неё? Тут же нахлынули разом и остальные чувства: заломило, закрутило болью перетруженные мышцы, а холод стал настолько нестерпимым, что хотелось завывать в голос. Нет, видать, жива она покуда. Но как?!

Лита с трудом разомкнула веки. Вокруг неё — большая лесная поляна; шум реки отсюда еле слышен. Сама она лежит на куче лапника, завёрнутая в плотный кокон из одеяла и какого?то барахла. Где?то за спиной весело трещит и шипит костёр, наполняя сорванные лёгкие приятным запахом хвойного дыма. Как она здесь очутилась?

— Ну что, пришла в себя? Болит что?нибудь? — хриплый знакомый голос раздался совсем близко.

Лита невольно вздрогнула, когда над ней склонилась чья?то тень. Да это же... Риньяр!

Осунувшееся лицо, чуть влажные волосы смешно торчат вокруг головы, неровными прядями ложатся на голые плечи. Из одежды на нём — только нижние полотняные штаны, причём не сухие. Остальное сушится над костром, оттого к аромату хвои примешивается запах мокрой кожи и...

— Не спалишь рубашку?

Рин, ругаясь себе под нос, метнулся спасать и тушить, а Лита неожиданно для себя рассмеялась. Ещё более хрипло и ничуть не весело, скорее, нервно. И тут же надрывно закашлялась.

— Лежи спокойно. Скоро вода согреется, хоть горло промочишь. И, между прочим, это не моя рубашка горела, а твоя.

Только теперь Лита осознала, что под всеми тряпками, одеялом и кафтаном она лежит совершенно... ой.

— А что мне было делать? — пожал плечами парень. — Ты и так заболеть можешь, вода?то уже холодная... А если б оставил в мокром, то и вовсе заоченела бы до смерти. Не бойся, не смотрел я, не до того было...

Лита снова закашлялась и ещё глубже зарылась в гору тряпок.

— Как ты...

— Нашёл тебя? Обыкновенно. По следам. Дорогу они выбрали безлюдную, никуда не сворачивали. Уж совсем было подобрался, а тут... Ты нарочно в воду упала? Чего молчишь?

— А что ты хочешь услышать? Они меня колдунам хотели продать. Лучше уж так, чем...

Возразить на это было нечего.

— Рин... Ты далеко был, когда?.. Я видела...

— Да, — буркнул он, поспешно отворачиваясь к костру. — Я тоже видел. Как вернёмся в Соколиный, к наместнику пойду, пусть судят.

— Тебя?

— А кого?? Сама ведь знаешь, моя в том вина, только моя. Если б мы вовремя из города ушли, не пришлось бы ему одному против целого войска выходить. Он же знал, что не выживет, понимаешь ты это? Знал, и всё равно пошёл.

— Но зачем?!

— Не понимаешь? А я вот понимаю. Сам бы так сделал, да только... Пойду ещё дров принесу.

Когда Рин вернулся, Лита уже выплакалась и бессильно лежала, с головой укрывшись траченным молью кафтаном.

— Сможешь привстать? Вода нагрелась.

Не смогла. Пришлось ему самому поднимать, прислонять к себе дрожащую в ознобе девушку и осторожно поить из красивой медной кружки.

— Эх, жаль, что браги нет, вмиг бы поправилась!

— А кружка... откуда?

— А ты как думаешь? — криво усмехнулся Рин. — У тех двоих, что тебя везли, одолжил. И одежду, и мешок с ворованным, вернуть же надо. И лошадей с телегой. Не дойдёшь ты до дому сама...

— Одолжил?

— Да! Тебе подробно рассказать, как именно это было? — разозлился он. Глянул на неё в упор — и вдруг растерянно заморгал. — Ой, Лит... Твои глаза...

— Что??

— Они... одинаковые стали.

— Как это?

— Не знаю. Раньше правый был синий, левый — зелёный, а теперь они оба ну как бы сине — зелёные. Я раз море видел — вот точь — в-точь такого цвета. Разве так бывает?..

— Видно, бывает, — устало улыбнулась девушка. — Если то, что случилось на площади, правда, и это всё я устроила, то неудивительно, что ведьминой силы во мне уже ни капельки не осталось. Должно быть, это знак, что я теперь обычный человек...

— И слава стихиям!

Рин порывисто прижал её к своей груди — неожиданно тёплой, и Лита не стала отстраняться. Как же хорошо, когда наконец-то отпускает противная ноющая боль, расслабляется измученное тело, когда вслед за медленными осторожными поглаживаниями большой горячей ладони внутри разливается приятное тепло, успокаивая, усыпляя...

Проснулась Лита уже за полдень. Прислушалась к себе: вроде не холодно. И почти не больно. Только слабость не проходит, но это, верно, потому, что за почти двое суток у неё во рту и маковой росинки не было. Тем заманчивей показался ей доносившийся от костра сочный аромат жареного мяса. Девушка кое-как повернулась в своём 'гнезде' и с минуту наблюдала, как уже полностью одетый Рин поворачивает над огнём шкворчащую заячью тушку. Потом не выдержала:

— Долго ещё?

Он с улыбкой обернулся.

— Я уж думал, даже это тебя не разбудит, соня — засоня! Да готово давно, не снимаю, чтоб не остыло. Погоди, сейчас одежду принесу, высохло всё.

— А это точно заяц? — любопытствовала девушка, устраиваясь у костра на всё том же кафтане. — Они в Велессии водятся?

— Боишься, что ядовитый? Тогда не ешь, мне больше достанется! Да заяц, заяц, вылитый наш. У них тут, видать, только деревья другие, а зверьё один в один.

— Это хорошо. Рин, ну давай его уже, а то я тебя самого съем!

Парень расхохотался и протянул ей два самых увесистых куска.

Всего через несколько минут от бедного зайца остались только тщательно обглоданные кости. Рин предложил не мешкать и двигаться в обратный путь. До ночи они к своим добраться не успеют, но чем скорее пересекут границу, тем лучше. Только вот кто ждёт их на том берегу? Не жених и не командир... Может, только Кейра, а может, и вовсе никто.

До самого позднего вечера им так никто и не встретился. Даже странно — то ли велессов мало, то ли лесов у них слишком много... Но сейчас это им только на руку. Рину надо срочно

выспаться, а то он уж и сам на себя не похож, совсем измучался, бедный. Но ведь не признается в этом, даже вожжи подержать не даёт...

На ночь свернули с дороги на уютную поляну. Рин занялся лошадьми, а Лита отвоевала право развести костёр. Не такое уж это хитрое дело. Поужинали двумя чёрствыми пирогами, которые случайно нашли в мешке с ворованным добром. Спать легли рядом на телеге, укрылись разбойничьим 'наследством' — одеялом и двумя кафтанами. Если днём солнце ещё всю греет, то ночи уже осенние, холодные. Как бы Рин сам не заболел, он ведь тоже студёной воды вдоволь нахлебался...

Лите не спалось. Она ворочалась с боку на бок и пыталась понять, что ей делать дальше со своей непутёвой жизнью. Которая только чудом не оборвалась в плену у разбойников, которую ценой своей защитил Яр, а потом спас его оруженосец. Кому?то он теперь пойдёт служить?..

— Что ты всё ёрзаешь?

— Ой, прости... Больше не буду.

— Да ладно, я сам заснуть не могу. О чём думаешь?

— О тебе.

— Хм. И что именно?

— А то, что я завтра с тобой к наместнику пойду. И прослежу, чтобы ты на себя зря не наговаривал. Ты у Яра на самом хорошем счету был, нельзя тебя судить и со службы выгонять. Я правду скажу — что он из-за меня погиб. Стало быть, и вина моя. Тебе лучше меня известно, как князь его ценил, сколько он для него и для всей нашей страны сделал. И ещё больше бы сделал, кабы не я. Это от него кругом польза была, от меня же — вред один. Было бы лучше, если бы...

— Уверена? — зло зашипел Рин. Даже привстал, и Лите на миг показалось, что он еле сдерживается от желания отвесить ей хорошую плюху. И пусть бы... Заслужила. — Не говори того, о чём не знаешь! Умереть за князя — наш долг, каждый воин, если нужно, пойдёт на это без раздумий. Но умереть за любимую женщину... это как мечта. Как наивысшее счастье — когда ты понимаешь, что пошёл на это не по чьему-то приказу, а только лишь по велению сердца. Когда всё становится неважным, кроме одного — её жизни. Потому что только так правильно, потому что любимая должна жить. Во что бы это ни стало. Пусть она потом полюбит кого-то ещё и будет с ним счастлива, пусть даже никогда больше не вспомнит о тебе, забудет твоё имя — всё это неважно. В ворота царства стихий ты войдёшь с улыбкой, точно зная, что сделал для неё всё, что мог. Я очень завидую Яру...

Для Литы эта страстная речь явилась полной неожиданностью. Неужели и её жених так думал?

— Я всё равно схожу с тобой. Просто убедиться, что никто тебя ни в чём не обвинит...

— А я в этом нуждаюсь? — с прежней злостью перебил Рин. — Это моя жизнь, и я не хочу, чтобы ты в неё лезла! Сам разберись. Довезу тебя до города, и всё...

— Сам? Хорошо! — Лита почувствовала, что вот — вот расплачется. — Наконец-то ты перестал притворяться. Я ведь знаю, что ты считаешь меня Яровым проклятьем, что я приносила вам одни несчастья, ты считаешь, что я виновата в его смерти, хоть вслух говоришь обратное! И ты

прав, Рин, тысячу раз прав!! Я только одного не могу понять: зачем ты сам не оставишь меня в покое?! Приказы Яра больше над тобой не властны! Ты мог бы спокойно остаться в городе, а не нестись за мной в Велессию. Не преследовать разбойников, не рисковать снова жизнью... Зачем это тебе?? Зачем ты вытащил меня из реки?? Зачем?!

Не выдержала, всхлипнула и поскорей уткнулась лицом в одеяло. Нельзя сейчас реветь, выставляя напоказ свою глупую обиду. Какая разница, что на самом деле Рин про неё думает? Ведь всё равно помогает. Настоящий мужчина, верный своему слову. А она... просто злыдня неблагодарная. Заладила, что с ним пойдёт, хотя могла бы потом и одна сходить и всё узнать. После таких потрясений ему, бедному, и так тяжело, а ещё она со своими слезами и обвинениями...

— Прости... Давай спать.

Рин молча лёг на своё место. Девушка понадеялась, что он почти сразу уснул, и вздрогнула, услышав его голос. На этот раз спокойный. И усталый — очень.

— Ты хочешь знать, зачем? Хорошо, я скажу тебе. Молчал и хотел молчать до конца, а теперь думаю — невелика разница. Завтра мы всё равно последний день видимся. Не знаю, что ты будешь делать дальше, да ты и сама поди не знаешь. А я в Ясневый вернусь. Если не на службу, так хоть родителей навещу, они там неподалёку живут. Давно я их не видел... И сестёр с братьями...

— Много их у тебя? — с невольной завистью спросила Лита.

— Четверо, и все младшие. И все тоже хотят в княжескую сотню, даже девчонки.

— Конечно, ты же для них во всём пример, настоящий герой. Тобой вся семья гордится!

— Да уж... такой герой, что самому противно, — невесело хмыкнул Рин. — Лит, ты тоже меня прости. И за то, что голос на тебя повысил, и за то, за что сам себя не прощу... И ещё прости... за то, что люблю тебя.

Она не ослышалась?

— Вот и ответ на твой вопрос 'зачем'. Знаю, ты никогда не думала обо мне, не замечала — как и все, когда рядом был Яр. За три года я привык не обращать на это внимания. Не так уж это и трудно... А потом я встретил тебя — свою единственную. Невозможно красивую девушку в свадебном платье... Я помню этот вечер, словно он был вчера. Не только Яр тогда пропал, я тоже. И наконец-то понял, о чём говорили мне родители. Что у всех в нашей семье есть одна особенность — чувствовать любимого человека. Чувствовать и находить — везде. Понимаешь теперь? Это не Яр тебя находил, а я. Вернее, сначала, наоборот, уводил как можно дальше, хотя мне было физически больно быть от тебя на расстоянии. Ты сказала, что боишься Яра, не хочешь быть с ним, и я старался уговорить его вернуться в столицу. А потом увидел тот сон, почувствовал, что тебе угрожает смертельная опасность — и так испугался, что он мне поверил и повернул назад. Так что смерть твоего отца на моей совести. В Соколиный Яр сам приехал, после того, как сначала мы в другом городе искали. Вернее, он искал... А потом услышал про тот праздник, про обычай последнего танца — и загорелся испытать судьбу. А сам тебя не узнал, всё за другой девушкой бегал, казалось ему, что это ты. Тогда я решил, что сам тебя на последний танец приглашу.

— Почему же не пригласил? — глухо спросила Лита.

— Не успел. Меня как раз та девица поймала, Яр?то уже к ней вплотную подобрался. Вот она и вцепилась в первого встречного. И он, должно быть, тоже самое сделал...

— А какая у тебя маска была?

— Ни за что не вспомнишь, — хмыкнул он. — Самая незаметная — воздуха. Мне сказали, её почти никогда не берут. Мало того, что слишком простая, неказистая, так ещё примета есть — кто её наденет, тот и сам словно бы пропадёт. Эта стихия и вправду из всех самая незаметная. Кто на такую польстится?

— Но ведь без воздуха и жизни самой нет...

— Неважно. Главное, что ты меня действительно не видела, хотя я всё время рядом был.

— Взгляд... чувствовала.

— Извини. Не смотреть на тебя я просто не мог. Да что толку? Пока я от девицы своей последней отделался, у вас с Яром уже всё сладилось. Понял я, что ты к нему окончательно отношение переменяла, а раз так — то уже назавтра его женой станешь, Яр больше ждать не будет. Потому и напился до беспамьтства, чтоб хоть предлог был на свадьбу не идти... И вот что из этого вышло. Можно до хрипоты спорить, чья тут вина, можно просто сказать — так судьба распорядилась... Но мне от этого всё равно не легче. Я хотел бы, чтобы Яр был жив, чтобы ты была с ним счастлива. Но это уже невозможно...

— И чего же ты хочешь — теперь? — напряжённо спросила Лита.

В его голосе послышалась улыбка.

— От тебя? Ничего. Верить?

'Верю...'

После ночного разговора оба проснулись поздно. Рин держался как обычно, и ей на миг подумалось — а не приснилось ли всё это часом?

Дальше ехали молча. Рин правил и почти не оборачивался на свою пассажирку, но каждый его взгляд Лита отчётливо ощущала. Точно как тогда, на празднике...

Ещё несколько часов — и безлюдная Велессия осталась позади. Пограничная охрана дотошно выспросила, кто они и откуда; узнав, что Рин — Яров оруженосец, дядьки подобрали и отправили его в дом купца Ватуты, наместник?де сейчас там проживает. Хозяина всё равно убили...

В самом городе уже ехали медленно — слишком много было спящего по улицам народа. И каждый при деле: кто брёвна тащит, кто доски, кто инструмент, а бабы — полные корзинки снеди, кормить строителей. За время набега несколько десятков домов сгорело, их теперь всем миром восстанавливают, а то уж холода не за горами... Среди мастеровых то и дело мелькали люди в форме княжьей дружины. Неизвестно, успели ли они принять участие в битве за город, но со строительством и ремонтом активно помогали, говорят, сам князь распорядился.

— Рин, останови.

— Передумала идти к наместнику? — насмешливо улыбнулся он.

— Не передумала. Только хочу сначала домой зайти. Узнать, уцелел ли, что с подругой моей...

— И платьё приличное надеть? — поддел он. — И то верно. Иди и... Может, ещё встретимся!

Уехал поспешно, так ни разу и не оглянулся.

Лита невольно вздохнула и побежала на знакомую улицу. Там, хвала стихиям, не оказалось ни одного сгоревшего дома. И даже разграбленного — не стали разбойники сюда соваться, поняли, что улов будет невелик. То ли дело богатые купеческие хоромы в центре города!

В доме Кейры не оказалось. Лита нащупала ключ в старом месте под крыльцом, зашла — вроде всё на месте. Сильно пахнет травами, значит, недавно варила. Значит, жива... Вот радость!

В её комнатухе тоже ничего не изменилось. Любимая рукодельная шкатулка на столе у окна, несколько платьев в сундуке, старый короб под кроватью... И корявые деревянные бусы на самом видном месте. Вот они?то ей и нужны. Вдруг да наместник и командир дружинников решат, что Рин нарушил какой?нибудь приказ или недостаточно рьяно оберегал своего господина? Да ещё подозрительно быстро исчез с поля боя, а теперь вот объявился как ни в чём не бывало... Слова в его защиту — это одно, но более надёжную службу могут сослужить отцовские самоцветы. За того, кто её спас, хоть все отдать не жалко. А она и так не пропадёт.

Девушка наскоро умылась и с наслаждением переоделась в чистое. Посмотрела в зеркало и только головой покачала: ну и 'красавица'! Худющая, бледная. И глаза будто потускнели — не синие, не зелёные. Какое там море, так, тина озёрная... Ну и что? Она ведь не красоваться к наместнику идёт, а по делу. Только пустят ли к нему, не прогонят? Наместник, поди, занят сильно, да и вряд ли узнает виденную мельком Ярову невесту. Но она всё равно пойдёт.

Вместо тяжёлого короба Лита взяла с собой небольшую полотняную котомку. Сложила туда бусы, вынув из них ссудную 'монетку'. Со вздохом сняла с батюшкиного ожерелья перстень Ярама. Каким чудом он сохранился? Не потерялся в суматохе, не стал добычей разбойников... Надо попросить, чтобы его князю передали. Может, у Яра осталась ещё хоть дальняя родня.

Временное пристанище наместника Лита нашла быстро. Людей здесь сновало особенно много, а дверь, кажется, и вовсе не закрывалась. Никто не окрикнул её, не остановил, зато и вопрос, где сейчас глава города, остался без ответа. Все были заняты, что?то делали, суетились и лишь отмахивались от неё, в лучшем случае говоря 'вроде был где?то тут'. И где это 'тут'?

Девушка поднялась на второй этаж и медленно пошла по коридору, прислушиваясь — не раздастся ли за очередной дверью зычный голос наместника? Здесь было гораздо тише, а народу и вовсе никого — должна услышать.

— А я тебе сказала — будешь! До последней капельки!

Она чуть не засмеялась вслух. Так вот где обретается её подружка! Не самого ли наместника пользует? А что, она такая, никому спуску не даст!

— И не делай такое лицо. Знаю, что горькое... Но надо. Надо, мой хороший. Вот так, молодец. Давай кружку... Ай, пусти! Бессовестный, ну что ты делаешь...

Лита вдруг ощутила несвойственное ей жгучее любопытство. Неужели Кейра не просто ухаживает за очередным раненым солдатом? Судя по голосу, её возмущение явно наигранное, не значит ли это, что она нашла, наконец, того, кого предсказала ей бабушка? Своего суженого, которому сгоряча пообещала дать хороший подзатыльник в отместку за долгое

ожидание? Зная Кейру, не приходилось сомневаться, что она уже так и сделала. Ну или сделает, когда вылечит...

Дверь оказалась не заперта, даже притворена неплотно. Кляня себя за нескромность, Лита всё же осторожно заглянула внутрь.

Первое, что бросилось ей в глаза — огненная растрёпанная грива сидящей на кровати Кейры. Второе — мужские руки, которые недвусмысленно обнимают её за пояс. Но вот мужчина привстал, и рыжие пряди перемешались, сплелись с его иссиня — чёрными.

— Что я делаю? Люблю тебя... Разве сама не видишь?

— А если рана откроется?!

— Но ты же меня спасёшь? Я даже готов ещё раз выпить твоё жуткое зелье... Только не уходи сейчас. Не могу я без тебя больше...

Слова. Голос. Взгляд. Всё это было так недавно — но не с Кейрой, а с ней, Литой. Так странно, словно какой-то сон...

— Я тоже не могу без тебя, Яр. Обещай, что будешь себя хорошо вести и лежать, пока не поправишься. Обещай! Иначе...

— Сглазишь?

— Нет. Просто уйду домой и не приду больше.

— Не уйдёшь! Я тебя не пущу, ни за что. Кера, любимая...

Бесшумно притворилась дверь. Лита скользнула обратно в коридор и опустилась на первую попавшуюся лавку. Задрожали стиснутые на коленях руки, задрожали на ресницах непослушные слезинки... Ну почему, почему она такая?! Тут же радоваться надо. И за Яра, которого она уже оплакала, и за подругино счастье. Это ведь её, Кейры, лекарство вылечило тяжело раненого сотника. Сначала травы, а потом любовь, которая вспыхнула и затмила собой всё вокруг. И досужие сплетни, и бывшие страхи... и все прошлые чувства, словно их и не было никогда. Права оказалась бабушка Маля. Теперь за них двоих можно не волноваться — когда встретишь истинную половинку, всё остальное сущей мелочью покажется. Тогда тем более не след им мешать...

Лита вытерла глаза и встала. И уже на выходе столкнулась с наместником. Он неожиданно узнал её и потянул в свободную комнату — поговорить.

— Ну что, судя по лицу, ты всё сама видела...

Лита кивнула.

— И что думаешь делать?

Она неопределённо пожала плечами и достала из сумки перстень.

— Передадите ему?

— Обязательно. А на словах что?

— Ничего. Не знаю, позабыл он меня совсем или нет, но лишний раз напоминать о себе не хочу. Скажите, что на улице нашли...

— Ладно, придумаю что-нибудь, — вздохнул мужчина. — Ты уж не обижайся на них, дочка. Яр только благодаря ей жив остался. Мы-то уж и не надеялись, лучшие лекари руками разводили — не жилец, мол... А Керена только свои травки к ране приложила — как он тут же глаза открыл. Напоила каким-то отваром, и стал Яр прямо на глазах оживать. Первый раз я такое чудо вижу... Про тебя, как очнулся, ни разу не спросил, всё на спасительницу свою наглядеться не мог. И она тоже от него не отходит. Не знаю, почему всё так вышло, колдовство это или истинная судьба, но тебе сейчас между ними не встать, напрасно только себя изведёшь. Прости ты их, знать, не твоё это счастье было, чужое. А ты своё ещё отыщешь. Непременно отыщешь!

Лита согласно закивала, загоня внутрь заново подступившие слёзы. Мужчина хлопнул себя по лбу и улыбнулся.

— Чуть не забыл! Хорошо, что ты сама пришла, в такой кутерьме мы бы тебя до самой зимы искали... Это ведь ты на разбойников временную слепоту наслала? Что головой качаешь? Наши тогда всё подметили. Да и я теперь вижу, по глазам. Ушла твоя сила, вся, до капли, и больше не вернётся. Знал я уже такое... Потому про поступок твой самому князю отписал.

— Зачем??

— Как это зачем? Уточнить размер награды.

— Да не надо мне никакой награды, и без того у вас траты большие — столько домов заново отстроить!

— Это так. Но без тебя бы много хуже пришлось. Пока бы помощь подоспела, ироды эти уже полгорода спалили... И вообще, девка, не тебе с князем спорить! Так что думай давай, да поскорее. Хочешь, мы тебе целый дом выделим или новый построим?

Лита чувствовала себя ужасно неловко. Свой дом, наконец-то, только её и ничей больше... Заманчиво. Но кому-то он, несомненно, нужнее, да и не сделала она ничего такого, всё это нечаянно получилось. К тому же Кейра, как только Яр окончательно поправится, наверняка уедет с ним в столицу, значит, её домик можно будет выкупить да и жить там на правах новой хозяйки... Пальцы рассеянно затеребили лежащую на коленях сумку и неожиданно нащупали через ткань кривоватые 'орехи' облезлых деревянных бус. Рин! Она же совсем забыла о нём!

На её вопрос наместник лишь отмахнулся. Никто его, конечно, ни в чём не обвиняет, что за глупости! Забегал он недавно, узнал, что жив его командир, и напрямик к нему направился. Поедет с ним да с дружиной в Ясеновый, тоже, наверное, награду какую-нибудь получит...

Лита облегчённо улыбнулась. И вдруг совершенно чётко поняла, что в Соколином ей больше нечего делать. Она так и не успела полюбить этот город, а сейчас вдруг почувствовала себя здесь настолько лишней, что даже обрадовалась. Перед глазами мелькнуло лицо доброй тётушки Цары. Она ведь теперь может вернуться в Белореченск! Раз глаза стали обыкновенными, никто больше не будет её сторониться. Она просто повернёт обратно: заглянет к совестливому Ероху и его своевольной дочке, проедет через лес, который подарил и отнял у неё отца, навестит бабушку Юву... И останется в городке, от которого рукой подать до ещё одной родной могилы. Интересно, как там живёт — поживает Мадяна? Она по ней успела соскучиться...

— Если можно, я бы хотела лошадь поспокойнее и мужскую одежду.

— Уедешь всё?таки? — сощурился мужчина. — Ты хорошо подумала?

Лита твёрдо кивнула и нащупала в сумке свою самую ценную вещь — рукодельный ящичек. Любимые пальцы, коклюшки, нитки... Не иначе, случайно прихватила. Или не случайно? Ведь тогда можно будет не возвращаться в заброшенной Кейрой дом. Там больше нет ничего по — настоящему нужного. А значит...

— Я хочу уехать прямо сейчас.

— Эх, глупая, пожалеешь ведь!

— Не пожалею, — улыбнулась она. На душе неожиданно стало легко и спокойно, и былая опустошённость сменилась странной уверенностью в том, что скоро все её мытарства останутся позади. По телу пробежала волна тепла — как будто ей на колени запрыгнула невидимая мурлыкающая кошка. Всё будет хорошо, обязательно!

— Нет, не пожалею.

Час спустя Соколиный уже скрылся из виду. Наместник лично проследил, чтобы девушке дали самую выносливую и спокойную лошадь, и велел принести одёжку своего младшего сына — как раз впору пришлась. Лита сердечно с ним попрощалась и, более не мешкая, направилась к южным воротам. По пути прикупила в дорогу пирогов, флягу с водой и одеяло; помахала рукой Брану — он опять дежурил и очень удивился, узнав давешнего 'паренька с бусами'.

За воротами Лита оглянулась. Высокий берег реки, большой город с красивым гордым названием, который так и не стал ей родным домом. И не дал совершить очередную ошибку и невольно украсть чужое счастье. Прав наместник — не надо ей чужого, своё найдёт. Когда?нибудь... Но найдёт.

Пустынная дорога уводила её всё дальше из пограничного края. Лита ехала и умудрялась не думать ни о прошлом, ни о будущем. Просто смотрела по сторонам, отмечая красоту зажелтевших деревьев, улыбалась косым лучам солнца и суетливому щебету перелётных птиц. Вот и она, как те птицы, улетает в южные края. И уже чувствует, как растёт, разливается внутри неё исцеляющее ласковое тепло. Оно словно заполняет собой усталое тело, до каждой маленькой клеточки, и проникает глубоко в душу, успокаивая, растворяя былые раны. Хорошо...

А потом она услышала позади себя стук копыт. Он становился всё ближе и ближе, пока с ней не поравнялся всадник на рослом гнедом жеребце. Но не обогнал, а просто молча поехал рядом. Лита украдкой взглянула на него и покачала головой. Но не удивилась почему?то — совсем.

— Столица — в другой стороне.

— Знаю. Я решил туда по дальней дороге поехать.

— А командир позволил?

— Ага. Отпуск дал, на целый месяц. Так что я теперь сам себе командир, делаю что хочу. Захотел вот немного мир посмотреть, а то всё некогда было. То на службе, то гонюсь за кем?то... — Рин скосил на неё глаза и насмешливо улыбнулся, показав ямочки.

Лита не удержалась и улыбнулась в ответ.

— А как же твои родители?

— И к ним заеду. Может, один, может, с другом.

— Каким это?

— Ну... Самым хорошим, самым близким. Литом зовут. Смешной такой, вечно в шапке ходит, не иначе лысый...

Девушка возмущённо засопела, а потом фыркнула и вслед за ним весело рассмеялась.

Невидимая мурлыкающая кошка спрыгнула с её коленей и перебралась на плечо, невесомо потёрлась о щеку тёплой пушистой мордочкой.

— Ещё скажи, что это его ведьма сглазила!

— Не, не похоже... Тогда б у него ещё уши до плеч отвисли, на носу вот такая бородавка вскочила, зубы все почернели, а уж...

— Хватит — хватит, не пугай меня больше! Я и так ведьм боюсь, а теперь, чего доброго, заикаться начну!

— И зря! Я вот, если хочешь знать, лично с одной такой знакомство водил, и ничего. Может, кого?то она и сглазила сгоряча, а меня вот нет. Самому странно...

Лита задумчиво закусила губу. А ведь верно. У того же Яра несколько раз то кошелёк с пояса падал, то кинжал, в первую встречу все пуговицы отвалились, потом у коня подковы... А вот на его оруженосца сглаз не подействовал ни разу. Так же, как и на батюшку, ещё до того, как он ей открылся, как и на вредную Мадяну, которую она всё равно считала близким человеком... Неужто и вправду насмешница — судьба дала ей такую немудрёную подсказку, да только она её не поняла, проглядела?..

Лита украдкой покосилась на Риньяра и тут же поймала его внимательный взгляд. Он тоже про это подумал?!

Но смолчал и снова отвёл глаза, притворяясь, что полностью поглощён дорогой.

Куда же она их приведёт? К счастью ли, к разлуке, к новым неожиданным поворотам судьбы?

Лита улыбнулась и, прогоня невольную тревогу, задорно тряхнула головой. Новая шапка, описав широкую дугу, улетела куда?то в траву, но она не стала за ней возвращаться.

— Кто первый вон до того большого дерева?! Догоняй!!

Каурая лошадка скептически фыркнула, но всё же ускорила, обгоняя мощного красивого жеребца. Кокетливо шлёпнула его хвостом по морде и услышала в ответ короткое возмущённое ржание. И весёлый хохот его хозяина.

— Стой! Всё равно догоню!! Не убежишь!

Лита успела подумать, что на этот раз у неё, похоже, нет на это ни единого шанса...

Поживём — увидим.

ноябрь 2014 г.

Вот и всё. Думаю, не всем понравится такой конец, но я его таким и задумывала. Хочу отойти от образа своего типичного главного героя. Потому что в жизни любят не только высоких красивых брюнетов с властным характером и кучей денег. Ведь так?;))

mir-knigi.org